
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 1992.
E-ISSN 2310-6239
2022. 31(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Nizamova Marina – Cherkas Global University, Washington, USA (Editor-in-Chief)
Kudinov Dmitrii – Sumy Regional Institute of Teacher Education, Sumy, Ukraine
Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dutchak Elena – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Gogitidze Mamuka – Shota Rustaveli National University, Tbilisi, Georgia
Krinko Evgenii – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Danilenko Viktor – Kyiv National Pedagogical University, Kiev, Ukraine
Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ERIHPLUS** (Norway), **Google scholar** (USA), **OAJI** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1,
Washington, District of Columbia 20036

Release date 25.09.22
Format 21 × 29,7/4.

Website: <https://hhct.cherkasgu.press>
E-mail: office@cherkasgu.press

Headset Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global
University

Order № 23.

History and Historians in the Context of the Time

2022

Is. 1

C O N T E N T S

Articles

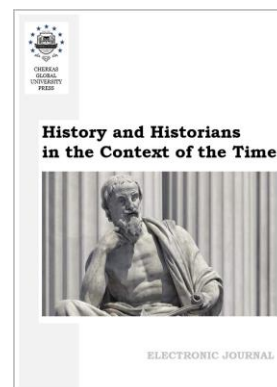
Cherkasov Petr Pavlovich (1912–1942 years): Party Documents as a Historical Source A.A. Cherkasov	3
About the Risks of Using the Term “Decossackization” A.Yu. Peretyatko	13
“History and Historians in the Context of the Time” Journal (1992–2022 years): The History Pages A.M. Mamadaliev	31
The Origin and Development of the Institute of the Honorary Consul in the Ukraine's Diplomatic and Consular Service A.L. Cherniavskyi	37
Combating Inequality and Discrimination in the Contemporary History of International Sports V.M. Zavhorodnia	46

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2022. 31(1): 3-12

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.3
<https://hhct.cherkasgu.press>

Articles

Cherkasov Petr Pavlovich (1912–1942 years): Party Documents as a Historical Source

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

Based on archival materials, an attempt is made to create a biography of Petr Pavlovich Cherkasov (1912–1942), a member of the AUCP(b) since 1939, who died in the underground on the occupied territory during the Second World War.

There were used the archival documents from the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation), namely the case of Petr Pavlovich Cherkasov, born in 1912, becoming a candidate of the AUCP(b). The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity. The work is based on a chronological principle.

In conclusion, the author states that the case of Petr Pavlovich Cherkasov on admission to membership in the AUCP(b) turned out to be a valuable source of genealogical character. The case contained the autobiographical materials not only about the petitioner, but also about his family members. Thanks to the autobiographical information, the biography of Petr Pavlovich Cherkasov is presented in detail, while in the autobiography not only his strengths were indicated, but also the information about penalties. As for the family, we can draw attention to the fact that Petr Pavlovich had a superficial idea of the date of birth of his parents. Nevertheless, very interesting information was given in the autobiographical information, for example, that his father Pavel Ivanovich Cherkasov was mobilized into the White Army during the Civil War, and in the pre-revolutionary and Soviet periods he worked at the post office in the village of Keret. This significantly narrows further searches for information about the family and continues to add new strokes to the picture of the integral history of the Cherkasov family from Kereti.

Keywords: Cherkasov Petr Pavlovich, 1912–1942 years, candidate member of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Cherkasovs (Keretskys), World War II, partisan, biography.

1. Введение

В истории семьи Черкасовых из Керети судьба Петра Павловича Черкасова была одной из самых малоизвестных. Он родился в 1912 г. в с. Кереть, с 1931 г. проживал в пос. Лоухи (Карело-Финская ССР), а в декабре 1942 г. в годы Второй мировой войны, будучи членом подполья, был схвачен в оккупированном селении Лоухи и казнен. Напомним, что в годы войны воевало пять представителей семьи Черкасовых из Керети, трое из них погибли. Среди погибших был и Петр Павлович, которому в момент гибели исполнилось только

* Corresponding author
E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

30 лет. Ранее, ознакомившись со списками по учету населения пос. Лоухи, мы обнаружили в Национальном архиве Республики Карелия сведения о составе семьи Петра Павловича. Так, к 1940 г. в пос. Лоухи проживали:

Черкасов Петр Павлович, 1912 г.р., русский, грамотен, радиотехник, работает с 1931 г.

Черкасова Александра Егоровна (жена), 1915 г.р., русская, неграмотная.

Черкасова Эмма Петровна (дочь), 1936 г.р.

Черкасов Юрий Петрович (сын), 1939 г.р. (НАРК. Ф. Р-1606. Оп. 2. Д. 10. Л. 11).

В октябре 2022 г. в том же архиве, в фонде «Заонежский райком партии КАССР», было обнаружено дело Черкасова Петра Павловича, начатое 16 февраля 1939 г. и законченное 14 апреля 1941 г. Оно было посвящено вступлению Петра Павловича в кандидаты ВКП(б). Дело имело 25 листов (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370).

2. Материалы и методы

Итак, материалами для данной работы послужили архивные документы из Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация), а именно дело о вступлении в кандидаты ВКП(б) Петра Павловича Черкасова, 1912 г.р. Личное дело состояло из 25 листов. В нем имелись заявление, анкеты вступающего кандидатом в члены ВКП(б), автобиография, четыре рекомендации других членов партии, справка о рождении Петра Павловича, производственная характеристика от начальника лоухской конторы связи, выписка из протокола от 13 декабря 1938 г., справка на жену Петра Павловича от 3 марта 1939 г., выписка из протокола от 16 февраля 1939 г., выписка из протокола № 23 от 9 марта 1939 г., личный листок по учету кадров с фотографией, вторая автобиография со сведениями о родственниках, справка на Петра Павловича от заведующего Лоухским райузлом, характеристика от начальника Лоухской конторы связи, выписка из протокола № 8 заседания бюро Лоухского РК КП(б) от 13 июня 1940 г., выписка из приказа № 388 от 4 декабря 1940 г. и выписка из протокола № 39 от 14 апреля 1941 г.

Методология нашего исследования опирается на принципы историзма и объективности. В результате этого мы привлекли все имеющиеся в нашем распоряжении источники и ввели в научный оборот максимальное количество информации. Работа построена по хронологическому принципу, а это значит, что события выстроены в их хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историография об истории рода Черкасовых из Керети в последнее время переходит в самостоятельную тему, так как накоплена уже значительная масса работ. Первые публикации о Черкасовых возникли еще в советский период, и они касались изобретательской деятельности Павла Ивановича Черкасова. Среди них можно назвать статью Ю. Егорова «Общедоступная теплица-автомат и другие разработки лучшего изобретателя Камчатки Павла Ивановича Черкасова» (Егоров, 1985) и написанную при его же участии статью «Лучший изобретатель Камчатки П.И. Черкасов» (Лучший изобретатель, 1984).

В середине 1990-х гг. была опубликована еще одна работа Ю. Егорова «Черкасовские глиссирующие» (Егоров, 1995), которая была посвящена экспериментальным лодкам П.И. Черкасова.

В 2013 г. выходят сразу две работы, посвященные Черкасовым из Керети. Первая из них была посвящена непосредственно селу Кереть (Черкасов, 2013), а вторая – явилась первой попыткой создания работы по истории рода и называлась «Из истории рода Черкасовых (1685–1954 гг.)» (Черкасов, 2013а).

В 2021 г. вышло в свет сразу четыре работы. Одна была посвящена участнику Первой мировой войны и жертве политических репрессий Феофану Ивановичу Черкасову (1886–1938 гг.) (Cherkasov, 2021). Вторая работа была посвящена выдающемуся советскому и российскому изобретателю Павлу Ивановичу Черкасову (1938–2010 гг.) (Cherkasov, 2021a). Третья статья затрагивала вопросы создания семейного календаря Черкасовых (Керетских) (Cherkasov, 2021b), а четвертая – касалась отражения семьи Черкасовых из Керети в документах второй половины XVIII – первой половины XX вв. (Cherkasov, 2021c).

В 2022 г. было опубликовано 5 работ, три из которых были посвящены участнику Второй мировой войны Ивану Ивановичу Черкасову (1902–1969 гг.). Первая работа

затрагивала биографию Ивана Ивановича Черкасова (Cherkasov, 2022), во второй – анализировался боевой путь Ивана Ивановича, который в период войны, с августа 1941 по май 1945 гг., служил сначала в 3-й дивизии народного ополчения, затем – на Невском Пятачке в составе 168-й стрелковой дивизии и с лета 1942 г. до конца войны в составе 533-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии (Черкасов, 2022a). Последняя работа являлась монографией «История 533-го стрелкового Одерского полка (1941–1945 гг.)», которая была посвящена памяти стрелка И.И. Черкасова (Черкасов, 2022b). В 2022 г. были опубликованы две работы: в одной – рассматривалась биография Алексея Павловича Черкасова (1910–1969 гг.) – участника Второй мировой войны, в послевоенный период работавшего в Народном комиссариате рыбной промышленности Карельской АССР (Черкасов, 2022c); другая – была подготовлена в память о Семене Агафоновиче Черкасове (1897–1941 гг.), ушедшем на войну и погибшем в ходе знаменитого Шлиссельбургского десанта 28 ноября 1941 г. (Cherkasov, 2022d).

4. Результаты

Личное дело Петра Павловича является важным историческим источником по истории семьи Черкасовых из Керети. Благодаря этому личному делу было установлено, что Петр Павлович родился 23 августа (ранее был известен только год его рождения – 1912). Его родителями были: отец – Павел Иванович Черкасов, родившийся 1 ноября 1882 г. (в личном деле сын указал его как родившегося в 1887 г.), и мать – Мария Андреевна (в личном деле сын указал девичью фамилию матери – Пушкарева, а вот год рождения он не смог указать, написав только – 188_ г.), 1888 г.р.

О своей семье Петр Павлович в автобиографии сообщил: «Родители мои происхождением из бедной семьи. Отец начал свою трудовую деятельность с 15 лет со сторожа и после этого все время работал писмоноском на почте. В данный момент отца нет, он умер в 1931 г. Мать по происхождению – дочь рыбака-помора, уроженка села Кандалакши. В последнее время работает в колхозе» (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 4). Данная запись интересна тем, что установлены ранее неизвестная дата смерти Павла Ивановича и место рождения и работы матери Петра.

О своей семье в автобиографии о родственниках Петр Павлович оставил несколько интересных сообщений: «Родители мои – выходцы из бедной рыбацкой семьи. До революции отец работал на почте почтальоном, имел часть старого дома. После революции работал там же на почте почтальоном. Имел собственный дом (тезис о собственном доме сомнителен, так как три семьи Черкасовых в 1930-е гг. жили вместе – Авт.), огород, корову и несколько овец. Семья состояла из восьми человек. Мать нигде в учреждении не работала, за исключением рыбацкого колхоза и то с перерывами, в основном домохозяйка. Из родственников есть один дядя (по отцу), который был дважды арестован: первый раз в 1933 г. за агитацию против советской власти, второй раз – в 1937 г. за выступление против колхоза, в части того лишен ли он избирательных прав – не знаю (Речь идет о Феофане Ивановиче Черкасове – Авт.). В части службы родственников в Белой армии не знаю. Знаю одно, что отец был взят в Белую армию и по состоянию здоровья был сразу же отпущен. За границей родственников нет...» (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 19-190б.).

Но вернемся к Петру Павловичу. В семье было семеро детей, все они составляли первую (Павловскую) ветвь девятой генерации (поколение) рода Черкасовых из Керети (Cherkasov, 2021: 1677). Петр был вторым ребенком. Из этих семи детей один ребенок, Анна, умерла в младенчестве (См. Рисунок 1).

Рис. 1. Девятая генерация рода. Первая (Павловская) ветвь (Cherkasov, 2021: 1677)

Итак, Петр Павлович Черкасов родился 23 августа 1912 г. в селе Кереть Архангельской губернии.

В 1921–1926 гг. он учился в школе I ступени (4-классная) в селе Кереть. В 1927–1930 гг. учился в школе II ступени (7-классная) в г. Кеми и окончил ее 10 июня 1930 г. Петр Павлович имел неполное среднее образование. После окончания семилетки в июле 1930 г. он поступил учеником на почту ст. Чупа, где и работал до октября 1930 г. В этом же месяце выбыл в город Петрозаводск на курсы радиомонтеров-инструкторов при Карельском управлении связи, где и учился до 6 февраля 1931 г. (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 4). После окончания курсов сразу же был направлен на работу по обслуживанию эфирных установок в Соронский и Кемский районы, где работал до 27 ноября 1931 г. Однако по семейным обстоятельствам П.П. Черкасов переезжает в Лоухи (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 180б.). С 29 ноября 1931 г. он постоянно работал в Лоухском районе: вначале радиомонтером до 1933 г., а с 1933 г. в должности радиотехника-практика (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 4).

В 1932 г. он вступил в профессиональный союз работников связи (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 15).

В 1933 г. Петр Павлович стал заведующим Лоухского райотдела связи, в этой должности он находился до 7 сентября 1936 г., то есть до командировки в Ленинград (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 150б.).

В период 1933–1935 гг. Петр Павлович женился на Александре Егоровне Красновой, 1915 г.р. Она была беспартийной, некоторое время работала письмоноском на почте, а в 1939 г. была домохозяйкой (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 17).

Отец Александры Егоровны – Краснов Егор Васильевич, из крестьян дер. Старо Шоткинск Куйбышевской области; мать – Анна Григорьевна (в девичестве Тюрина), из крестьян села Верхозим Кузнецкой области Кунчерского района. У родителей был собственный дом в дер. Старо Шоткинск (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 17). В 1939 г. отец Александры работал на лесозаготовках на ДВК Амурские ж.д., ст. Ледяная пос. Курган (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 170б.).

21 января 1934 г. Петр Павлович вступил в ВЛКСМ (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 2). В 1936 г. он был направлен в Ленинград – на курсы в Ленинградский комбинат связи, где проходил подготовку на факультете особого назначения в период с 10 сентября по 15 декабря 1936 г. (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 15).

В том же 1936 г. в семье Черкасовых родился первый ребенок – дочь Эмма (НАРК. Ф. Р-1606. Оп. 2. Д. 10. Л. 11).

По возвращении из Ленинграда 19 декабря 1936 г. Петр Павлович поступает на должность радиотехника Лоухской конторы связи (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 150б.).

30 ноября 1938 г. член ВЛКСМ П.П. Черкасов обратился в первичную организацию ВКП(б) поселка Лоухи с заявлением, в котором просил принять его в кандидаты ВКП(б). В нем он отметил, что в комсомоле состоит с 25 января 1934 г. и «желает работать вместе с вами, в ваших рядах, будет еще больше повышать свой идейно-политический уровень и принимать активное участие в вашей работе» (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 1). На заявлении был и образец подписи Петра Павловича (Рисунок 2).

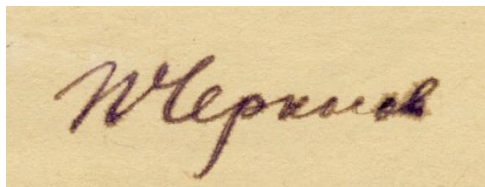

Рис. 2. Образец подписи Петра Павловича Черкасова (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 1)

В автобиографии Петр Павлович сообщал, что «в других партиях оппозиции и группировках не участвовал. Трудовую деятельность начал с 17 лет. Был несколько раз премирован конторой связи за обслуживание политико-хозяйственных компаний. В работе имел два взыскания: строгий выговор в 1938 г. за оставление радиоузла без надлежащего

технического надзора, не поставив об этом в известность начальника конторы связи, и выговор за опоздание на работу на 10 минут в начале 1930 г. В Красной Армии не служил. Социальное происхождение жены и ее родителей, со слов жены и имеющих сведения, из крестьян. Состав семьи: жена 1915 г., дочь 1936 г. и сын 1939 г. Жена домохозяйка. Состояние здоровья удовлетворительное. В дальнейшем считаю целесообразным свое использование на данной работе» (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 190б.-20).

Когда отец Петра умер, то мать некоторое время продолжала работать в колхозе села Кереть и получала пенсию, а потом переехала к одной из дочерей в город Кандалакша (Кандалакша получила статус города в 1938 г.) (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 2, 17). Согласно воспоминаниям племянницы Петра Павловича Натальи Алексеевны Журавлевой от 25 октября 2022 г. (в девичестве Черкасовой), в Кандалакше жила Клавдия Павловна (Личный архив А.А. Черкасова).

Первое заседание, рассмотревшее дело Петра Павловича Черкасова, состоялось 13 декабря 1938 г. Комиссия выслушала рекомендации членов ВКП(б), но приняла решение ввиду отсутствия ясности о социальном происхождении жены П.П. Черкасова, «родители которой на Дальнем Востоке, а она оказалась здесь», отставить разбор дела до следующего раза. Парторгу было поручено навести справки о социальном происхождении жены П.П. Черкасова (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 110б.).

16 февраля 1939 г. на открытом собрании членов и кандидатов ВКП(б) первичной парторганизации пос. Лоухи собравшиеся постановили принять тов. Черкасова Петра Павловича в члены ВКП(б) по 1-й категории с годичным кандидатским стажем (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 13-130б.). Таким образом, партийный стаж Петра Павловича начался в феврале 1939 г.

9 марта 1939 г. состоялось заседание Бюро Лоухского РК ВКП(б), на котором было принято решение принять П.П. Черкасова кандидатом в члены ВКП(б), но по 2-й категории, с 2-годовичным кандидатским стажем (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 14).

3 марта 1939 г. на жену Петра Павловича, урожденную Краснову Александру Егоровну, поступила справка из Старо-Шаткинского сельсовета Камешкирского района Пензенской области, выданная в феврале 1939 г. В ней отмечалось, что Краснова Александра Егоровна «происходила из граждан села Старо Шаткина, по социальному положению – колхозница, избирательных прав не лишена и не лишалась, в родстве лишенных нет и не было, в Белой армии и жандармерии никто не служил, с заграницей связи не имеет, под судом и следствием не состояла» (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 12).

1 ноября 1939 г. Петр Павлович заполнил личный листок по учету кадров, в котором, помимо личной информации, была и его фотография (та же фотография была и в анкетном листе) (Рисунок 3).

Рис. 3. Петр Павлович Черкасов. 1939 г.

Представленная на [Рисунке 3](#) фотография Петра Павловича Черкасова является его единственной фотографией и самой старой в фотоархиве семьи Черкасовых из Керети: она датируется периодом не позднее 1 ноября 1939 г. Напомним, что до нее самой старой считалась фронтовая фотография Ивана Ивановича Черкасова (дядя Петра Павловича) от августа 1942 г. ([Черкасов, 2022: 435](#)).

Среди интересных записей из личного листка по учету кадров можно отметить домашний адрес – пос. Лоухи, Лоухского района Карельской АССР, дом связи. В сведениях об отношении к воинской службе отмечено – военнообязанный, рядовой состав, категория должности 67 ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 160б.](#)).

Среди четырех рекомендаций была одна от члена ВКП(б) с 1932 г. Иванова Константина Ивановича. В рекомендации автор отмечал: «Знаю т. Черкасова Петра Павловича с 1930 года, когда я работал в с. Кереть, а он только что окончил школу 7 лет и поступил работать на почту учеником. В конце 1930 г. он выехал на курсы радистов, учился и после учебы все время работает в Лоухском районе. По происхождению т. Черкасов П. из рыбаков, бедняк. Я знаю его мать и старшего брата Алексея П., члена ВКП(б), с которым вместе работал в с. Кереть, мать – в колхозе. Еще до вступления в комсомол т. Черкасов выполнял даваемые поручения. Член ВЛКСМ с 1934 г. Активно участвует в проводимых мероприятиях партии и советской власти. За все время с 1930 г., как я его знаю, я не замечал за ним поступков, позорящих звание члена ВЛКСМ. Трезвый, растущий, политически грамотный, работает над собой по повышению политзнаний. Рекомендую принять его в кандидаты ВКП(б)» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 5](#)). Другой коммунист, Федоров Петр Иванович, дал более лаконичную рекомендацию: «Знаю тов. Черкасова Петра Павловича, члена ВЛКСМ, работающего зав. радиоузлом, с 1934 г. по работе на Лесозаготовках во время прорывов и также по работе в пос. Лоухи. Тов. Черкасов – дисциплинированный комсомолец, в бытовом отношении выдержан, к работе относится добросовестно. Рекомендую товарища Черкасова в кандидаты ВКП(б) и несу за него полную ответственность» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 6](#)).

Что касается анкетного листа, то среди вопросов нужно отметить интересные. Приведем их вместе с ответами Павла Петровича: «Какие знаете языки, кроме русского, и в какой степени владеете ими?» – Ответ: «Никаких, кроме русского» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 170б.](#)). Далее: «Ваше отношение к воинской службе?» – «Состою на учете в Лоухском райвоенкомате» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 170б.](#)). Также был задан вопрос о партийности и получен ответ: «Кандидат ВКП(б) с февраля 1939 г., принят Лоухским РК ВКП(б) № 0807582» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 18](#)). На вопрос «Привлекались ли к суду близкие?» был ответ: «Из арестованных – мой дядя по отцу. Первый раз был арестован в 1933 г. и осужден на 3 года за агитацию против советской власти. Вторично осужден в 1937 г., за что, не знаю, а также не знаю, лишен ли он избирательских прав или нет. Связи с ним не имею» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 18](#)).

В анкете вступающего кандидатом в члены ВКП(б) Петр Павлович отмечал: в графе «в каких политкружках, курсах учился, учиться» – ответ «в кружке истории ВКП(б) по учебнику Ярославского. В данное время изучаю Краткий курс истории ВКП(б)»; в графе «какое участие принимает в работе советов, профсоюзов, комсомола, колхозов и т.д.» – ответ «председатель месткома работников связи, председатель первичной организации Осоавиахима» ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 2](#)).

В характеристике с места работы от 21 ноября 1939 г. отмечалось, что Черкасов Петр Павлович в политмассовой работе участвует активно, одновременно является агитатором. В производственной работе является стахановцем, в 1939 г. премирован 3 раза за хорошую работу. Тов. Черкасов политически развит, руководство конторой связи рекомендует в дальнейшем использовать его на руководящей работе ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 22](#)).

В 1939 г. в семье родился второй ребенок – сын Юрий ([НАРК. Ф. Р-160б. Оп. 2. Д. 10. Л. 11](#)).

13 июня 1940 г. кандидат в члены ВКП(б) Петр Павлович Черкасов был утвержден в должности заместителя начальника Лоухской конторы связи ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 23](#)).

С 1 декабря 1940 г. временно исполняющий делами КН Лоухи тов. Черкасов был назначен техником Лоухского радиоузла с окладом в 500 руб. в месяц плюс выслуга лет ([НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 24](#)).

14 апреля 1941 г. Бюро Лоухского РК КП(б) утвердило Петра Павловича Черкасова в должности заведующего Лоухского радиоузла (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 25).

Уже спустя несколько месяцев началась Великая Отечественная война, пос. Лоухи был оккупирован. Петр Павлович Черкасов остался в Лоухах в составе подполья. Согласно Книге памяти, «Черкасов Петр Павлович, род. в 1912 г., Лоухский район, с. Кереть, партизан. Пленен 25.12.1942 г., осужден к смертной казни» (Книга памяти, 1997: 37). Приговор, по всей вероятности, был приведен в исполнение.

Несколько слов о партизанском движении в районе Лоухи. Партизанский отряд Кестеньгского и Лоухского районов был создан 18 июля 1941 г, то есть еще до оккупации. Он получил название «Боевой клич». В составе отряда было 52 человека, его командиром был назначен М.В. Медведев, с октября 1941 г. – Е.М. Кокора, а с октября 1943 г. – Ф.И. Канторов. Отряд действовал до 15 октября 1944 г. (Партизаны Карельского фронта, 2020: 657). Оккупация продолжалась до 1944 г.

После войны семейство Петра Павловича в Лоухах не проживало. Однако в начале 1960-х гг. дочь Петра, Эмма, контактировала с Алексеем Павловичем (родной брат Петра), в результате чего в фотоархиве Алексея Павловича оказалась фотография Эммы (Рисунок 4).

Рис. 4. Эмма Петровна Черкасова. 1961

О судьбе семьи Петра Павловича Черкасова в настоящее время нам ничего неизвестно.

5. Заключение

Резюмируя, нужно отметить, что дело Петра Павловича Черкасова о приеме в члены ВКП(б) оказалось ценным источником генеалогического характера. В деле присутствовали автобиографические материалы не только о просителе, но и о членах его семьи. Благодаря этим сведениям подробно представлена биография Петра Павловича Черкасова, при этом в автобиографии указывались не только его положительные стороны, но и информация о взысканиях. Что касается семьи, то мы можем обратить внимание на то, что Петр Павлович имел поверхностное представление о дате рождения своих родителей. Тем не менее,

в автобиографических сведениях была дана весьма интересная информация, например, о том, что его отец Павел Иванович Черкасов (1882–1931 гг.) в период Гражданской войны был мобилизован в Белую армию, а в дореволюционный и советский периоды работал на почте в селе Кереть. Это существенно сужает дальнейшие поиски информации о семье и продолжает добавлять новые мазки к картине целостной истории рода Черкасовых из Керети.

Литература

Егоров, 1985 – Егоров Ю. Общедоступная теплица-автомат и другие разработки лучшего изобретателя Камчатки Павла Ивановича Черкасова // *Изобретатель и рационализатор*. 1985. № 6. С. 14-15.

Егоров, 1995 – Егоров Ю. Черкасовские глиссирующие // *Техника – молодежи*. 1995. № 2. С. 5.

Книга памяти, 1995 – Книга памяти: списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны: В 7 т. Т. 7. Петрозаводск, 1995.

Личный архив А.А. Черкасова – Личный архив А.А. Черкасова.

Лучший изобретатель, 1984 – Лучший изобретатель Камчатки П.И. Черкасов // *Изобретатель и рационализатор*. 1984. № 12. С. 3. (фото на обложке).

НАРК – Национальный архив Республики Карелия.

Партизаны Карельского фронта, 2020 – Партизаны Карельского фронта: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2020.

Черкасов, 2013 – Черкасов А.А. Из истории российской северной деревни: Кереть // *Русская старина*. 2013. № 1(7). С. 15-35.

Черкасов, 2013а – Черкасов А.А. Из истории рода Черкасовых (1685–1954 гг.). Издание 4-е, дополненное. Сочи, 2013.

Черкасов, 2022а – Черкасов А.А. Боевой путь рядового Ивана Ивановича Черкасова // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История»*. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 414-451.

Черкасов, 2022б – Черкасов А.А. История 533-го стрелкового Одерского полка (1941–1945 гг.). Сочи, 2022. 336 с.

Черкасов, 2022с – Черкасов А.А. Черкасовы (Керетские): Алексей Павлович Черкасов (1910–1969) // *Вопросы истории*. 2022. № 5(2): 122-128.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938) // *European Researcher. Series A*. 2021. 12(2): 75-80.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1938–2010) // *Gardarika*. 2021. 8(1): 23-35.

Cherkasov, 2021b – Cherkasov A.A. The Ancestral Calendar of Cherkasovs (Keretskys) (to the 310th Anniversary of the Birth of Isak Cherkasov) // *History and Historians in the Context of the Time*. 2021. 19(1): 3-7.

Cherkasov, 2021c – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1671-1682.

Cherkasov, 2022 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Ivan Ivanovich Cherkasov (1902–1969) // *Gardarika*. 2022. 9(1): 19-32.

Cherkasov, 2022d – Cherkasov A.A. In Memory of Semen Agafonovich Cherkasov (1897–1941): The Fate of One Marching Reinforcement // *Voennyi Sbornik*. 2022. 10(2): 57-77.

References

Cherkasov, 2013 – Cherkasov, A.A. (2013). Iz istorii rossiiskoi severnoi derevni: Keret' [From the history of the Russian northern village: Keret]. *Russkaya starina*. 1(7): 15-35. [in Russian]

Cherkasov, 2013a – Cherkasov, A.A. (2013). Iz istorii roda Cherkasovykh (1685–1954 gg.) [From the history of the Cherkasov family (1685–1954)]. Izдание 4-e dopolnennoe. Sochi. [in Russian]

Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938). *European Researcher. Series A*. 12(2): 75-80.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1938–2010). *Gardarika*. 8(1): 23-35.

[Cherkasov, 2021b](#) – Cherkasov, A.A. (2021). The Ancestral Calendar of Cherkasovs (Keretskys) (to the 310th Anniversary of the Birth of Isak Cherkasov). *History and Historians in the Context of the Time*. 19(1): 3-7.

[Cherkasov, 2021c](#) – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries). *Bylye Gody*. 16(4): 1671-1682.

[Cherkasov, 2022](#) – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasovs (Keretskys): Ivan Ivanovich Cherkasov (1902–1969). *Gardarika*. 9(1): 19-32.

[Cherkasov, 2022a](#) – Cherkasov, A.A. (2022). Boevoi put' ryadovogo Ivana Ivanovicha Cherkasova [Combat way of private Ivan Ivanovich Cherkasov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 67(2): 414-451. [in Russian]

[Cherkasov, 2022b](#) – Cherkasov, A.A. (2022). Istoriya 533-go strelkovogo Oderskogo polka (1941–1945 gg.) [History of the 533rd Rifle Oder Regiment (1941–1945)]. Sochi, 336 p. [in Russian]

[Cherkasov, 2022c](#) – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969) [Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910–1969)]. *Voprosy istorii*. 5(2): 122-128. [in Russian]

[Cherkasov, 2022d](#) – Cherkasov, A.A. (2022). In Memory of Semen Agafonovich Cherkasov (1897–1941): The Fate of One Marching Reinforcement. *Voennyi Sbornik*. 10(2): 57-77.

[Egorov, 1985](#) – Egorov, Yu. (1985). Obshchedostupnaya teplitsa-avtomat i drugie razrabotki luchshego izobretatelya Kamchatki Pavla Ivanovicha Cherkasova [Publicly available automatic greenhouse and other developments of the best inventor of Kamchatka Pavel Ivanovich Cherkasov]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 6: 14-15. [in Russian]

[Egorov, 1995](#) – Egorov, Yu. (1995). Cherkasovskie glissiruyushchie [Cherkasov gliding]. *Tekhnika – molodezhi*. 2: 5. [in Russian]

[Kniga pamyati, 1995](#) – Kniga pamyati: spiski voynov, partizan, podpol'shchikov Karelii, pogibshikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Book of memory: lists of soldiers, partisans, underground workers of Karelia who died during the Great Patriotic War]: V 7 t. T. 7. Petrozavodsk, 1995. [in Russian]

[Lichnyi arkhiv A.A. Cherkasova](#) – Lichnyi arkhiv A.A. Cherkasova [Personal archive of A.A. Cherkasov]. [in Russian]

[Luchshii izobretatel', 1984](#) – Luchshii izobretatel' Kamchatki P.I. Cherkasov [The best inventor of Kamchatka P.I. Cherkasov]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 1984. 12: 3. (foto na oblozhke) [photo on cover]. [in Russian]

[NARK](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia].

[Partizany Karel'skogo fronta, 2020](#) – Partizany Karel'skogo fronta: sbornik dokumentov i materialov [Partisans of the Karelian Front: a collection of documents and materials]. Petrozavodsk, 2020. [in Russian]

Черкасов Петр Павлович (1912–1942 гг.): партийные документы как исторический источник

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, *}

^a Черкас Глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе на основе архивных материалов делается попытка создания биографии Петра Павловича Черкасова (1912–1942 гг.), члена ВКП(б) с 1939 г., погибшего в подполье на оккупированной территории в годы Второй мировой войны.

В качестве материалов были использованы архивные документы из Национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация), а именно дело о вступлении в кандидаты ВКП(б) Петра Павловича Черкасова, 1912 года рождения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Методология исследования опирается на принципы историзма и объективности. Работа построена по хронологическому принципу.

В заключении автор отмечает, что дело Петра Павловича Черкасова о приеме в члены ВКП(б) оказалось ценным источником генеалогического характера. В деле присутствовали автобиографические материалы не только о просителе, но и о членах его семьи. Благодаря автобиографическим сведениям подробно представлена биография Петра Павловича Черкасова, при этом в автобиографии указывались не только его положительные стороны, но и информация о взысканиях. Что касается семьи, то мы можем обратить внимание на то, что Петр Павлович имел поверхностное представление о дате рождения своих родителей. Тем не менее, в автобиографических сведениях была дана весьма интересная информация, например, о том, что его отец, Павел Иванович Черкасов, в период Гражданской войны был мобилизован в Белую армию, а в дореволюционный и советский периоды работал на почте в селе Кереть. Это существенно сужает дальнейшие поиски информации о семье и продолжает добавлять новые мазки к картине целостной истории рода Черкасовых из Керети.

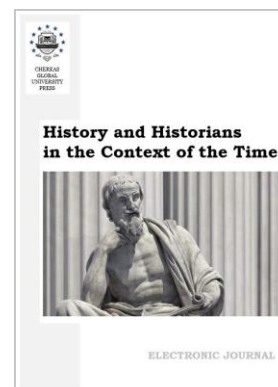
Ключевые слова: Черкасов Петр Павлович, 1912–1942 гг., кандидат в члены ВКП(б), Черкасовы (Керетские), Вторая мировая война, партизан, биография.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2022. 31(1): 13-30

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.13
<https://hhct.cherkasgu.press>

About the Risks of Using the Term “Decossackization”

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

A number of emotional and potentially destructive terms are currently used in post-Soviet historiography and journalism. The most striking example of such a term is the term “genocide”. The issue of its interpretation by Russia is currently even being considered by the International Court of Justice. However, there are more specific terms that are used to refer to specific repressions, such as “holodomor” or “decossackization”.

The term “decossackization” is often used without deciphering its specific meaning, even in scientific literature. Meanwhile, it is ambiguous, and there are cases of its use to refer exclusively to the “genocide of the Cossacks”. Given the existence of socio-political forces calling for retribution against the Russians for this genocide (real or mythical), the question of the appropriateness of using the scientific term “decossackization” is particularly acute.

The article shows that the term “decossackization” is not authentic. The first cases of its use that we found date back to the turn of 1910–1920, and then it had a different meaning, denoting a relatively peaceful process of the Cossacks losing their privileges and identity. It began to be used regularly on the pages of the emigrant magazine “Vol'noe kazachestvo” by 1930. However, even then it first changed its meaning, starting to be used to refer to a variety of processes that are unfavorable for the Cossacks, according to the editors of the magazine. And only in the 1990s “Decossackization” enters the dictionaries of the Russian language as a designation for harsh Soviet repressions of the Cossacks.

Modern historians use the term “decossackization” in all the above senses, adding their own to them. This makes it harder, not easier, to understand their articles. In addition, the term “decossackization” often hides non-obvious author's views on various processes in the history of the Cossacks. The author concludes that the use of the word “decossackization” as a scientific term should be avoided, replacing it with complex authentic terms (for example, «mass terror against the Cossacks»).

Keywords: Don Cossacks, Decossackization, Don historiography, “Vol'noe kazachestvo”, scientific terms, Cossack nationalism.

1. Введение

Некоторые используемые историками термины имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, и их применение политиками и публицистами может иметь самые непредсказуемые последствия. В первую очередь, это относится к такому термину, как

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPerettko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

«геноцид». 7 марта 2022 г. Международный суд ООН начал рассмотрение дела Украины против России, в котором, в частности, поставлен вопрос о том, насколько обосновано применение российскими властями понятия «геноцид» для обвинения политических оппонентов. «Ложно обвиняя в геноциде, чтобы оправдать свою агрессию, Россия оскверняет Конвенцию о геноциде», – заявил представитель Украины в суде ([Public sitting..., 2022](#)). Российская Федерация в ответ утверждает следующее: «Ссылка на геноцид не равносильна ссылке на Конвенцию <о Геноциде> или несогласию с ней, поскольку понятие геноцида существует в обычном международном праве независимо от Конвенции. Оно существует и в национальных правовых системах государств, в том числе в Российской Федерации и Украине» ([Russian Federation, 2022](#)). Таким образом, согласно позиции России, государства имеют право по-своему трактовать понятие «геноцид», и это не должно считаться нарушением Конвенции о геноциде. Независимо от вердикта, который вынесет суд, факт начала подобных слушаний свидетельствует о внимании ООН к проблеме необоснованного применения политиками в собственных целях термина «геноцид».

Но на территориях, исторически входивших в состав Российской империи и СССР, помимо термина «геноцид» используются более частные термины, означающие жесткие репрессии властей по отношению к конкретным группам населения. Самым известным из подобных терминов является «голодомор», о котором было немало дискуссий между российскими и украинскими историками. Однако потенциально деструктивны в руках политиков и публицистов и другие термины, в частности, «расказачивание». В настоящее время многие казачьи организации тесно сотрудничают с властями Российской Федерации, а в 2020 г. была принята новая «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» ([Указ Президента..., 2020](#)). Тем не менее, в казачьей среде существуют радикальные группы, требующие призвать Россию к ответственности за преступления против казаков. В 2017 г. бывший депутат Государственной Думы Российской Федерации Н.Н. Лысенко выступил за проведение «нового процесса Международного трибунала по расследованию преступления геноцида казаков» ([Лысенко, 2017: 17](#)). Разумеется, реально совершенные преступления должны наказываться, в том числе и с помощью международных судов. Однако при этом необходимо сохранять объективность, опираясь на реальные факты и, если речь идет о преступлениях вековой давности, исторические исследования. Между тем сами историки зачастую недостаточно серьезно относятся к слову «расказачивание», создавая дополнительные предпосылки для его некорректного использования публицистами и политиками.

Действительно, термин «расказачивание» постоянно используется в современной историографии. Он попадает не только в названия статей, но и в названия полноценных монографий: так, в 2013 г. вышла книга «Расказачивание в Хоперском округе в 1918–1931 гг.» А.Н. Демидовой ([Демидова, 2013](#)), а в 2019 г. – книга «Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону» Г.Г. Матишова, О.С. Савельевой, Е.Ю. Слюниной ([Матишов и др., 2019](#)). Проводятся и научные конференции, специально посвященные «расказачиванию» ([Казачество..., 2019](#)). Между тем значение понятия «расказачивание» остается не определенным.

В этом плане очень показательна статья И.Ю. Юрченко, специально посвященная историографии проблемы «расказачивания», и опубликованная в авторитетном «Вестнике Волгоградского государственного университета» ([Юрченко, 2019](#)). И.Ю. Юрченко упоминает, что термин «расказачивание» вошел в словари русского языка только в 1998 г., а до этого существовал «полуофициально», «в качестве узкоспециализированного термина историков казачества и шолоховедов» ([Юрченко, 2019: 226](#)). При этом большая часть статьи И.Ю. Юрченко посвящена советскому «расказачиванию», которое однозначно трактуется исследователем как геноцид казачьего народа, со ссылками на законодательные акты Российской Федерации, однако в конце статьи внезапно выясняется, что «обсуждение «расказачивания» как эвентуальной возможности началось еще в публицистике дореволюционной России» ([Юрченко, 2019: 227–229](#)). Что же именно обсуждали дореволюционные авторы, если термин «расказачивание» стал общепринятым только в конце XX в.? Работ, написанных до 1917 г. и посвященных перспективам физического уничтожения казаков нам не известно. Тем не менее, у не занимающегося специально

казацкой тематикой читателя может сложиться впечатление, будто бы задолго до большевиков некие силы хотели организовать геноцид казаков.

Крупный специалист по истории казачества 1920 гг., автор многочисленных статей о «рассказывании» А.П. Скорик, предлагает «различать исторический процесс рассказывания от многообразной политической практики рассказывания, связанной с вполне конкретными антиказачьими акциями» (Скорик, 2019: 104). Формального определения «историческому процессу рассказывания» А.П. Скорик не дает, но из текста ученого ясно, что под ним подразумевается процесс утраты казаками особой идентичности, начавшийся во второй половине XIX в. и продолжающийся по сей день (Скорик, 2019: 109). В качестве «политических практик рассказывания» А.П. Скорик позиционирует любые процессы, приведшие к «заметному сокращению численности казачьего сообщества», причем им указываются случаи, когда подобные практики реализовывались не только советской властью, но и правительством Французской республики, и даже правительством Всевеликого Войска Донского под руководством П.Н. Краснова (Скорик, 2019: 105). Таким образом, А.П. Скорик трактует понятие «рассказывания» заметно шире, чем И.Ю. Юрченко. Однако у него этот термин фактически получает два совершенно не связанных смысловых значения, что в перспективе может привести к двусмысленностям и ошибкам при его использовании.

Интересное объяснение двусмысленности слова «рассказывание» принадлежит авторитетному историку Гражданской войны на Дону В.П. Труту. По его мнению, эта двусмысленность возникла исторически. Якобы, «под «рассказыванием» еще во второй половине XIX – начале XX в. понимали упразднение сословных льгот и тягот (т. е. прав и обязанностей) казачества как социально-классовой (в данном случае – сословной) общности, уравнивание его в социально-экономическом плане с другими слоями населения, главным образом – с крестьянством» (к сожалению, конкретных примеров подобного использования слова «рассказывание» В.П. Трут не приводит) (Трут, 2003: 24-29). Напротив, в советский период «рассказывание» стало означать «осуществлявшиеся большевистским руководством масштабные и целенаправленные действия по реализации открытой репрессивной политики и в отношении казачества, вобравших в себя множество мер, вплоть до массового физического уничтожения мирного казачьего населения, направленных на полное искоренение особенностей казачества как этносоциальной общности» (Трут, 2003: 24-29). В.П. Трут еще более акцентированно, чем А.П. Скорик, предлагает развести значения слова «рассказывание», рассматривая их в качестве «двух совершенно разных смысловых понятий, вкладывающихся в один и тот же условный термин» (Трут, 2003: 24-29). Таким образом, взгляды В.П. Трута на смысловое наполнение слова «рассказывание» противоречат позициям и И.Ю. Юрченко, и А.П. Скорика, поскольку для него дореволюционные и советское «рассказывания» выступают как принципиально различные процессы, случайно объединенные общим названием.

При этом, как правило (и во всех приведенных выше случаях), «рассказывание» изучается на примерах из истории казачьих войск Юга России. Попытки же исследователей обратиться к иным казачьим войскам происходят значительно реже, и порой приводят к неожиданным результатам. Так, омский исследователь В.А. Шудяков вводит производный термин «саморассказывание», который использует для описания позиции большинства сибирских казаков в 1917 г. (Шудяков, 2016: 25). В доказательство того, что сибирцы добровольно выступали за некое «саморассказывание», историк приводит такой отрывок из наказа выборных Омского казачьего гарнизона Общеказачьему съезду: «Мы признаем необходимым слиться в требования с трудовым населением России и проводить в жизнь полное уравнивание прав всех граждан, не отделяя казаков ни в каких правах и преимуществах» (Шудяков, 2016: 25). Однако, к сожалению, четкого определения для своего термина В.А. Шудяков не дает.

Нам представляется, что по мере изучения разнородных процессов, которые одинаково называют «рассказыванием», историкам постепенно становится все более очевиден неоднозначный характер этого термина. Как справедливо отмечает А.П. Скорик, «раньше в условиях явной недостаточности информационной платформы для анализа политики рассказывания убедить общественность стремились хотя бы двумя-тремя фактами» (Скорик, 2019: 103). Но по мере накопления эвристического материала вполне

очевидно выяснилось, что под единым термином «рассказачивание» разные авторы понимают совершенно не идентичные процессы. Попытки как-то разрешить эту проблему предпринимаются, однако они скорее только ухудшают ситуацию, поскольку предлагаемые разными исследователями четкие определения термина «рассказачивание» никак не согласуются между собой. Обратим внимание на две любопытные публикации 2021 г. Кубанская ученая М.В. Подхомутникова, развивая идеи В.П. Трута, пишет, что на самом деле термин «рассказачивание» используют для обозначения двух совершенно не идентичных процессов: «Одна трактовка этого термина говорит о формальном, административном упразднении сословных прав и обязанностей казачества как социально-классовой категории. Другая трактовка – о целенаправленных и масштабных действиях репрессивного толка в отношении казачества» (как мы видим, первое значение уже не привязывается к во второй половине XIX-начала XX в., а второе – к советскому периоду, что делает их более универсальными) (Подхомутникова, 2021: 151). Однако ростовские исследователи Н.В. Шишова, Р.Г. Тикиджьян и В.А. Бондарев предлагают все же рассматривать «рассказачивание» как единый процесс, но состоявший из нескольких этапов, в ходе каждого из которых собственно «рассказачивание» шло особым путем: например, до 1917 г. доминировало «эволюционное рассказачивание», а в годы Гражданской войны – «репрессивное рассказачивание» (Шишова и др., 2021: 40-41).

Попытки трактовать понятие «рассказачивание» расширительно, как любые процессы утраты казаками особой идентичности/сословного статуса или любые практики репрессий против казачества, в свою очередь, создают новые вопросы. Обычно проблемами «рассказачивания» занимаются специалисты по истории начала XX в., которые относят начало «рассказачивания» максимум к предшествующему периоду, ко второй половине века XIX в. Но ведь и репрессии против казачества, и утрата казаками тех или иных элементов своей сословности/идентичности имели место задолго до этого времени! И еще в 1871 г. один из донских офицеров, И.А. Дукмасов, предложил рассматривать процесс исторических трансформаций казачества как естественный и неизбежный: «Важна самая сущность долга казаков, а не форма его. Когда-то казаки служили – на ладьях, в крепостной войне – пешими, и верхом – в поле. Предки наши исполняли свой долг честно и сообразно с требованиями времени. Все хорошо было в свое время. Наше же время предъявляет такие требования, которых старая форма – прежний образ служения – удовлетворить не может. Станем ли мы, наперекор требованиям нашего времени, прикрываясь царскими словами, держаться старых порядков при выполнении нами нашего современного долга?» (Дукмасов, 1871: 53-61). С другой стороны, уже в наши дни крупный специалист по ранней истории Войска Донского П.А. Аваков на X Токаревских чтениях использовал понятие «рассказачивание» по отношению к процессам, происходившим на Дону в начале XVIII в. (сборник конференции в настоящее время готовится к печати) (Конференция..., 2021).

Таким образом, практики применения термина «рассказачивание» в современной историографии вызывают ряд вопросов, причем эти вопросы в перспективе могут стать не только научными, но и политическими, поскольку данный термин может использоваться при обвинении России/СССР в геноциде казаков. Откуда вообще пошло слово «рассказачивание», как его применяли сами современники тех событий Гражданской войны, которые чаще всего называют «рассказачиванием» сейчас? Насколько обосновано расширение или сужение смыслов понятия «рассказачивание», можно ли вообще выработать для него некий однозначный и четкий смысл? И, наконец, насколько уместно использовать понятие «рассказачивание» для описания событий не только конца XIX-первой половины XX вв., но и XVIII или XXI вв.?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы обратимся к различным текстам, в которых употребляется (или, напротив, не употребляется, несмотря на возможность его применения) слово «рассказачивание». Тексты эти будут относиться к периоду от середины XIX в. до наших дней, однако особенное внимание мы уделим материалам первой половины XX в., в первую очередь журналу «Вольное казачество», на страницах которого интересующее нас слово начало использоваться регулярно. Применяв к этим текстам

сравнительный метод, проанализировав результаты применения термина «рассказывание», мы поймем, насколько вообще осмысленно его использование в науке.

3. Обсуждение

Из всех исследований, посвященных проблемам «рассказывания», только в одной статье предпринята попытка подробного анализа генезиса самого термина «рассказывание». Речь идет о статье «Страшное слово *рассказывание*» О.А. Давыдовой (Давыдова, 2015). Многие идеи, высказанные этой исследовательницей (филологом, а не историком), представляются нам очень важными, но при этом далеко не бесспорными.

Прежде всего, О.А. Давыдова отмечает, что слово «рассказывание» не просто было внесено в словари в 1998 г.: оно появилось в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» (курсив наш – А.П.), причем с пометой «зафиксировано впервые», и, соответственно, примеры его использования, приводимые в этом словаре, относились к 1990 гг. (Давыдова, 2015: 16). Кстати, определение слову «рассказывание» в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» давалось следующее: «В советское время: политика лишения казачества самостоятельных военных и политических прав, фактически – его уничтожения» (Давыдова, 2015: 16). Таким образом, первоначально слово «рассказывание» было зафиксировано филологами как неологизм 1990 гг., причем неологизм, применявшийся исключительно для обозначения советской репрессивной политики по отношению к казачеству.

О.А. Давыдова не соглашается с подобной трактовкой слова «рассказывание», утверждая, будто бы оно было распространено и ранее, однако не фиксировалось по политическим соображениям (Давыдова, 2015: 16). И действительно, исследовательница приводит конкретные примеры употребления слова «рассказывание», относящиеся к первой половине XX в., однако некоторые из них, даже по ее собственному признанию, предполагают несколько иное значение этого слова. Так, А.И. Деникин писал о политике «рассказывания» в период власти Временного правительства, причем характеризуя с помощью этого слова потерю казаками своего сословного статуса, часто добровольную, например, когда «круг Забайкальского войска, совместно с крестьянами и инородцами, постановил упразднить войско» (Давыдова, 2015: 17). Чтобы объяснить этот факт, О.А. Давыдова солидаризируется с В.П. Трутом, который, напомним, утверждает, будто бы первоначально, до Гражданской войны, «под «рассказыванием» понимали упразднение сословных льгот и тягот казачества, уравнивание его в социально-экономическом плане с другими слоями населения» (Давыдова, 2015: 17). Соответственно, как признает исследовательница, А.И. Деникин еще употреблял слово «рассказывание» в этом, первоначальном значении. Однако, как считает О.А. Давыдова, уже в 1930 гг. слово «рассказывание» использовалось М.А. Шолоховым в современном значении, для описания репрессивной политики советской власти против казачества. Вот только, если объективно оценивать приводимые ей цитаты, они не вполне соответствуют данному тезису. Так, в тексте романа «Тихий Дон» исследовательница нашла всего один случай употребления даже не слова «рассказывание», а производного от него глагола «рассказать»: «А комиссар в Букановской так, к примеру, навораживал: «Я, дескать, вас рассказчу, сукиных сынов, так, что вы век будете помнить!» (Давыдова, 2015: 20). Обычно же М.А. Шолохов использовал для описания репрессий казачества советской властью составные конструкции типа «красные хотят казачество уничтожить поголовно»; «хотят нас коммунисты изничтожить, перевестъ вовзят» и т. п. (Давыдова, 2015: 18). Таким образом, получается, что термин «рассказывание» в художественном нарративе М.А. Шолохова сами казаки вообще не употребляют, а в случае единственного раз употребившего его комиссара очевидно возникает вопрос: если он хотел, чтобы казаки «век помнили» «рассказывание», означало ли оно их физическое уничтожение, или в данном случае он обращался как раз к тем казакам, которых он хотел лишить прежнего статуса, «рассказать» в первоначальном значении этого слова?

Все остальные случаи применения слова «рассказывание» в первой половине XX в., которые приводит О.А. Давыдова, так же либо имеют не вполне ясное значение, либо однозначно обозначают потерю казаками части своих привилегий без физического уничтожения. Более того, слово «рассказывание» и в этих примерах используют почти

исключительно не казаки. Так, советская власть впервые употребила это слово 14 августа 1919 г., когда знаменитые декреты о репрессиях против казачества уже были выпущены, причем употребила в следующем контексте: «Оно (советское правительство – А.П.) не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)» (Давыдова, 2015: 17). Как мы видим, в риторике самой советской власти «расказачивание» означало уничтожение «казачьего быта», а вовсе не физическое уничтожение казаков. О том, какие слова представители советской власти применяли для обозначения массовых казней казачества, мы напишем ниже, а пока просто отметим, что слово «расказачивание» в этом смысле ими не использовалось. Единственный же найденный О.А. Давыдовой случай употребления казаком слова «расказачивание» в первой половине XX в. имел место в переписке М.А. Шолохова с А.М. Горьким: донской автор писал о «политике расказачивания и ущемления казаков-середняков» (обратим внимание, «расказачивание» снова поставлено в один ряд с ущемлением, а не с физическим уничтожением казаков (Давыдова, 2015: 18)). Однако как раз перед этим казачий писатель приводил цитату из книги Л.С. Дегтярева «Политработа среди населения прифронтовой полосы», где контекст употребления слова «расказачивание» представляется не вполне ясным (Давыдова, 2015: 18). Таким образом, данный термин был заимствован М.А. Шолоховым у другого автора, происхождение которого неизвестно.

Итак, О.А. Давыдовой был поставлен важный вопрос о времени появления слова «расказачивание», а также конкретизированы утверждения В.П. Трута о его совершенно ином первоначальном смысле. Исследовательница указала на случаи употребления интересующего слова в первой половине XX в. и выяснила, что тогда оно действительно часто использовалось в значении, отличном от современного, означая не наиболее жестокие репрессии советской власти против казачества, а сравнительно мягкую, иногда даже добровольную утрату казаками части привилегий. Тем не менее, О.А. Давыдова все же полагает, что и современники могли называть «расказачиванием» массовые казни казаков советской властью. Однако приведенные ей примеры скорее опровергают, чем доказывают последний тезис: ни в одном из них не очевидно, что автор относил к «расказачиванию» физическое уничтожение казаков. Обратимся же теперь к первоисточникам, чтобы понять, как современники называли кровавые события, развернувшиеся на Дону в годы Гражданской войны, и что еще могли называть «расказачиванием» до середины XX в.

Прежде всего, еще раз подчеркнем, что в репрессивных документах советской власти, даже в знаменитом письме ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. об отношении к казачеству, ныне чаще именуемом «директивой о расказачивании», репрессии против казаков никогда «расказачиванием» не называются, более того, этот термин там не встречается вовсе. Как и в «Тихом Доне» М.А. Шолохова, вместо этого используются составные конструкции, носящие куда более определенный характер: «борьба со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления» и «массовый террор против богатых казаков» (Хрестоматия, 1996: 259). В том же 1919 г. донским казачьим правительством атамана А.П. Богаевского был выпущен пропагандистский труд, «Очерк политической истории Всевеликого Войска Донского», в котором популярно и крайне идеализированно описывалась вся история донского казачества (Очерк политической истории..., 1919). В нем тоже не использовалось слово «расказачивание». Отношения казаков с советской властью описываются так: «Быстро разобрались казаки в прелестях большевистского строя и в станицах начали вспыхивать восстания, начали формироваться станичные полки. Повстанческое движение скоро приняло организованный характер и привело к блестящим результатам» (Очерк политической истории..., 1919: 71). Остается констатировать, что применение слова «расказачивание» к наиболее жестоким репрессиям советской власти против казаков в ходе Гражданской войны действительно носит позднейший характер, и непосредственно по ходу событий никем не практиковалось. Вместо этого современники использовали различные составные формулировки («поголовное истребление», «массовый террор» и т. п.).

Так когда же в действительности появилось слово «расказачивание»? Донская дореволюционная и эмигрантская историография изучены далеко не достаточно, и поэтому с полной уверенностью ответить на этот вопрос затруднительно. Как мы помним, В.П. Трут утверждает, будто бы интересующий нас термин уже употреблялся во второй половине XIX

– начале XX в., однако никаких доказательств этому не приводит. Гораздо конкретнее предположение Р.Г. Тикиджьяна, согласно которому слово «рассказачивание» возникло в связи с реформами казачества при Александре II: «Именно в этот период (1856–1865 гг.) при обсуждении проектов реформ казачьих областей, впервые в официальной правительственной, министерской и военной переписке, а затем и в либеральной земской прессе, появляется и сам термин – рассказачивание» (Тикиджьян, 2013: 67). Однако конкретных примеров подобного словоупотребления нет и у Р.Г. Тикиджьяна. В 1860 гг. действительно были разработаны проекты упразднения крупного казачьего войска, Оренбургского, однако в них слово «рассказачивание» нам не встречалось. Как и в случае с советскими репрессиями против казачества, современники использовали составные формулировки, причем они могли сильно разниться. Например, автор одного из проектов упразднения Оренбургского войска, молодой офицер Н.А. Маслаковец, писал о «переходе Оренбургского казачьего войска в податное состояние» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98. Л. 590б.). Этот же эвфемизм употребляли и оппонировавшие ему представители войсковой администрации (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 10б.). Донской офицер Н.И. Краснов, рассчитывавший по заданию военных властей финансовые перспективы ликвидации Оренбургского казачьего войска, по собственной инициативе проанализировал и экономические последствия «упразднения Донского войска» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 157). Что касается простых казаков, то новочеркасский журналист А.А. Карасев оставил свидетельство, согласно которому в начале 1860 гг. в донских станицах ходили слухи о «обращении казаков в «мужиков» (Карасев, 1900: 169). Таким образом, если слово «рассказачивание» и появилось в 1860 гг., то оно было отнюдь не общеупотребительным: нам не удалось обнаружить примеров его использования казаками, а в официальной правительственной документации для обозначения возможного упразднения казачьих войск применялись совершенно иные формулировки.

Если брать классические произведения донской казачьей историографии, то производный от слова «рассказачивание» глагол «рассказачивается» в 1924 г. впервые употребил один из крупнейших историков Войска Донского С.Г. Сватиков, причем в выводах к своей главной книге, монографии «Россия и Дон». Отметим, что эта монография в основном была посвящена периоду до 1917 г., и события Гражданской войны в ней предельно кратко описывались во вводной главе без употребления слова «рассказачивание» (Сватиков, 1924: 4-6). Глагол «рассказачивается» С.Г. Сватиков использовал в довольно необычном контексте, так описывая будущие перспективы Войска Донского: «Или колония (Войско Донское, колония России по мнению С.Г. Сватикова – А.П.) объединяет население края, «оказачивая» его и отстаивает автономию на основе исторического права. Или же «рассказачивается» войсковое сословие и имперское право вводится во все без исключения области жизни края и его население» (Сватиков, 1924: 579). Таким образом, С.Г. Сватиков употреблял термин «рассказачивание» именно в том значении, с которым мы сталкивались у других авторов первой половины XX в.: не в значении физического уничтожения казаков, но в значении утраты ими особых прав и обязанностей и дальнейшего слияния с другими группами населения. При этом у С.Г. Сватикова четко прослеживается противопоставление «рассказачивания» «оказачиванию», что позволяет сделать некоторые предположения о логике появления этого слова. Есть некоторые свидетельства того, что слово «оказачивание» в начале XX в. было достаточно известным: в частности, оно звучало даже во время дебатов в Государственной Думе Российской империи (Балинов, 1932: 7). Соответственно, представляется вероятным, что неологизм «рассказачивание» образовался от слова «оказачивание», которое обозначало мирное вступление сторонних людей в казачье сословие. Тогда вполне понятно, почему «рассказачивание» изначально обозначало именно мирный процесс утраты казаками своих привилегий и/или идентичности.

Чтобы закончить сюжет с употреблением слова «рассказачивание» в первой половине XX в., мы обратились к эмигрантскому журналу «Вольное казачество», выходившему в 1920–1930 гг. На его страницах слово «рассказачивание» встречается регулярно, постепенно входя в специфический словарь эмигранта-казака. При этом первоначальное значение этого слова сохраняется. Так, в № 55 за 1930 г. публикуется статья некоего Н. Нечуй-Левицкого, призывающая к мести против большевиков за их злодеяния против казачества (Нечуй-Левицкий, 1930а: 15). В этой статье термин «рассказачивание» соседствует уже не с

«оказачиванием», а с «раскулачиванием», причем последнее оказывается намного страшнее. Н. Нечуй-Левицкий пишет о семье своих родителей: «Пока их только «расказачивали», они еще могли жить в своем доме, а когда их стали «раскулачивать», они лишились и крова» (Нечуй-Левицкий, 1930а: 15). Как мы видим, «расказачивание» снова означает утрату сословного статуса, а не физическое уничтожение. Кстати, буквально в следующем номере, № 56, появляется большая статья о перспективах казачества в СССР, и хотя в ней говорится о том, что коллективизация есть «дьявольский план физического уничтожения Казачества», термин «расказачивание» для обозначения этого процесса снова не употребляется (Балинов, 1930: 14). И это не случайно: и в других статьях «Вольного казачества», посвященных репрессиям советской власти против казаков, слово «расказачивание» никогда не употребляется в распространенном ныне смысле, не означает исключительно физического уничтожения казаков советской властью. Здесь наиболее показательными примерами могут быть статья А.А. Геймана «Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе» (для определения политики большевиков в годы Гражданской войны слово «расказачивание» не употребляется и вообще не используется нигде в тексте (Гейман, 1930: 18-20) и статья «Большевики в Казачьих Землях» (в ней говорится о советской политике «расказачивания Казачества» до 1925 г., однако под «расказачиванием» подразумевается уничтожение казачьей идентичности, в противовес позднейшим попыткам советской власти сохранять некоторые казачьи традиции и восстанавливать казачьи воинские части (Большевики..., 1930: 7).

Однако, хотя на страницах «Вольного казачества» «расказачивание» еще используется в первоначальном значении, оно быстро прирастает новыми смыслами. Так, в № 57 за 1930 г. «расказачивание» обозначает и потерю казаками их привилегий, и утрату идентичности, и физическое уничтожение: «Разве систематическое «расказачивание» Казакии, расстрелы и ссылки казаков или постоянная борьба с украинским национальным движением, – все это не тот же террор, имеющий все ту же цель – денационализировать эти народы и сделать их неспособными к дальнейшему сопротивлению московскому империализму?» (Харьковский процесс, 1930: 4). Таким образом, «расказачивание» начинает обозначать «денационализацию» казачьего народа, его русификацию любыми способами. В некоторых материалах журнала «Вольное казачество» термин «расказачивание» употребляется еще в одном смысле: он начинает обозначать раскулачивание казаков. «Массовые расстрелы, выселение с семьями из дворов, даже за пределы родного края, на север, в изгнание, грабеж хлеба, скота, инвентаря и домашних пожитков «раскулачиваемых» и расказачиваемых хлеборобов со времени объявления пятилетки стало снова на порядок дня», – сообщалось в № 63-64 (Борьба с коммунизмом..., 1930: 9).

Контент-анализ употребления слова «расказачивание» на страницах «Вольного казачества» представляется нам темой для отдельного исследования, однако и приведенных примеров достаточно, чтобы понять: если в дореволюционной историографии слово «расказачивание» либо не употреблялось вовсе, либо употреблялось так редко, что конкретные случаи его использования проблематично обнаружить, то в 1920-1930 гг. «расказачивание» становится словом, употребительным как минимум в среде казаков-эмигрантов. Вот только однозначного смысла это слово не имело: на страницах «Вольного казачества» термин «расказачивание» постепенно стал применяться максимально широко, обретая еще и четвертое значение, используясь как определение любой антиказачьей политики. «Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, – Россия, всякая Россия будет расказачивать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах», – сообщалось в анонимной редакционной статье, в которой отстаивалась идея о необходимости независимости казачьих территорий от России (Наш ответ..., 1930: 9). Слово «расказачивание» использовалось даже в лозунгах, причем там оно, на наш взгляд, в принципе теряло внятный смысл, становясь синонимом всего не нравящегося редакции: «Довольно эмигрантских дрызг! Все на фронт по борьбе с расказачиванием! Создадим идейные ряды единого свободного Казачества и все без исключения станем в них. Руки, голова, голос, речь, авторитет, связи – все годится для нашего фронта. Кто пером, кто топором, кто лопатой, а кто песней и танцами – помогайте удерживать наш боевой строй. Гордость от сознания своей принадлежности к Казачеству должна быть тем магнитом,

который соберет около себя железные опилки Казачества, рассыпавшегося по свету» (Нечуй-Левицкий, 1930b: 16).

Логичным завершением предельно расширительной трактовки понятия «рассказачивание» и курса на независимость казачьих войск от России, характерных для редакции «Вольного казачества», стали акцентированные обвинения в «рассказачивании» не только СССР, но и Российской империи: «Вольное казачество» говорит и пишет, что царское правительство рассказывало казаков» (Савельев, 1930: 17). Для сравнения приведем отрывок из текста упомянутого выше «Очерка политической истории Всевеликого Войска Донского», также остро критичного по отношению к имперской России: «Однако привести Дон к положению рядовой губернии, лишить его всякой самобытности, как это было сделано с другими окраинами, не удалось» (Очерк политической истории..., 1919: 39). Таким образом, о наступлении имперского правительства на казачьи привилегии упоминалось и в более раннем тексте, написанном как раз во время Гражданской войны, однако «рассказачиванием» этот процесс там еще не назывался.

Подведем итоги нашего анализа использования слова «рассказачивание» до середины XX в. Попытки доказать, будто бы это слово возникло в дореволюционный период, выглядят не убедительно. Конкретных примеров его использования до 1919 г. нам обнаружить не удалось: процессы упразднения казачьих войск в Российской империи официально назывались совершенно иначе, а если какой-то публицист или общественный деятель и употреблял тогда слово «рассказачивание» в неофициальных текстах (полностью исключать такой возможности мы не можем), распространенным оно не стало. Известными авторами слово «рассказачивание» начинает использоваться на рубеже 1910-1920 гг., причем в это время оно еще не применяется для обозначения репрессий советской власти против казаков. И сама советская власть (1919 г.), и А.И. Деникин (1921 г.), и С.Г. Сватиков (1924 г.) называют «рассказачиванием» процесс относительно мирной, порой даже добровольной утраты казаками особых прав и обязанностей и их дальнейшее слияние с другими группами населения. При этом С.Г. Сватиков прямо сопоставляет процессы «рассказачивания» и «оказачивания», тем самым давая почву для размышлений относительно происхождения интересующего нас термина. Наконец, и советская власть, и А.И. Деникин, и С.Г. Сватиков употребляли слово «рассказачивание» разово, и в целом для их взглядов оно не имело принципиального значения. Ситуация меняется только в эмиграции, к 1930 гг., когда слово «рассказачивание» начинает регулярно употреблять как минимум журнал «Вольное казачество». Но как раз на страницах этого издания интересующее нас слово теряет четкое значение: теперь оно может означать и процесс утраты казаками своих исторических привилегий, и «денационализацию» казачьего народа, и раскулачивание казаков, и вообще любые антиказачьи, с точки зрения редакции журнала, политики и явления. Вот только случаев употребления термина «рассказачивание» для обозначения исключительно физического уничтожения казаков советской властью мы не нашли.

Таким образом, судя по всему, составители «Толкового словаря русского языка конца XX в.» были правы, утверждая, что слово «рассказачивание» в качестве обозначения для жестоких репрессий советской власти против казаков, «фактически уничтожения» последних, входит в массовый русский язык только в 1990 гг. В более ранний период это слово не фиксировалось словарями вовсе не по политическим соображениям, как считает О.А. Давыдова. Просто даже в среде казаков-эмигрантов, где оно точно использовалось, у него не было устоявшегося значения. В пользу этого свидетельствует и то, что составленный в эмиграции «Казачий словарь-справочник» также не содержит слова «рассказачивание» (нет не только статьи о нем, но и в разделе о донском казачестве в целом большевистские репрессии называются «уничтожением всех явных противников советских новшеств», а не «рассказачиванием» (Казачий словарь-справочник, 1968). Таким образом, хотя слово «рассказачивание» действительно, как и утверждает О.А. Давыдова, начало распространяться с 1920 гг., оно в течение длительного времени было неологизмом (или, скорее, публицистическим образом) с не вполне понятным значением. Общеупотребительным же слово «рассказачивание» становится только в 1980-1990 гг., в период возрождения казачества, но при этом оно приобретает совершенно новый смысл.

Насколько же уместно употребление термина «рассказачивание» в научной литературе, с учетом показанной выше специфики его происхождения? Как мы видим, слово

«рассказывание» начало регулярно использоваться в остро политизированной публицистике, его смысловое наполнение очень сильно менялось, и поэтому, употребляя термин «рассказывание» без четкой расшифровки, историк должен осознавать, что рискует быть неверно понятым. При этом аутентичным слово «рассказывание» отнюдь не является, и при описании событий донской истории можно сразу использовать более точные составные определения, восходящие к работам современников.

В этой связи необходимо отметить, что термин «рассказывание» хорошо укладывается в классификацию исторических терминов, предложенную известным исследователем И.Н. Данилевским. И.Н. Данилевский предлагает выделить четыре группы терминов, активно используемых в современной исторической науке: «универсальные номенклатурные термины» (они возникают в смежных с историей науках и заимствуются историками в первоначальном значении, как, например, термины «социальная группа», «государство» или «этнос»); «термины-определители» (искусственно возникшие в историографической традиции термины, условность которых очевидна, как, например, в случае с взаимозаменяемыми и никогда не использовавшимися современниками терминами «Древнерусское государство»/«Древняя Русь»); «конкретные номенклатурные термины» (как правило, ставшие терминами слова, взятые из текстов современников, например «дружина» или «князь»); и, наконец, «производные номенклатурные термины» (термины, созданные историками искусственно, чаще всего из конкретных номенклатурных терминов, например, «дружинник» от «дружины» и «княжество» от «князя») (Данилевский, 2020: 109-113). Очевидно, что термин «рассказывание» в рамках данной классификации является «производным номенклатурным термином», термином, постфактум созданным даже не историками, а публицистами. Применение подобных терминов И.Н. Данилевский считает достаточно рискованным: «Использование производных номенклатурных терминов особенно проблематично, поскольку и сам исследователь, и его читатели чаще всего полагают, что это «родные» для данной эпохи слова. Ставши привычными, они, как правило, включаются в историографический нарратив без всяких оговорок, создавая иллюзию полного соответствия исторической реальности» (Данилевский, 2020: 113). Как мы видим, именно это и произошло с термином «рассказывание». Слово, в действительности начавшее входить в обиход на рубеже 1910–1920 гг. в качестве редкого неологизма, а широкое распространение в русском языке получившее не раньше 1980 гг., сейчас используется как аутентичный термин начала XX в., причем с попытками «удревнить» его до 1850 гг.!

И.Н. Данилевский считает, что использовать производные номенклатурные термины все же допустимо, но они обязательно «нуждаются в определении, чтобы не ошибиться в значении, которое подразумевает использующий их историк» (Данилевский, 2020: 113). Однако в случае с термином «рассказывание» ситуация дополнительно усложняется тем, что его смысловые значения исторически крайне размыты в связи со спецификой происхождения. В итоге, как нам представляется, в большинстве случаев применение слова «рассказывание» в научных статьях не столько облегчает, сколько усложняет их понимание. Попытаемся продемонстрировать опасности использования этого термина на нескольких примерах.

Как мы убедились выше, в наиболее узком значении термин «рассказывание» используется для описания наиболее жестоких проявлений репрессивной политики советской власти по отношению к казачеству. При подобной трактовке данный термин приобретает четкое значение, на первый взгляд не оставляющее места двусмысленностям. Однако проблема в том, что к настоящему времени сложились достаточно представительные историографическая и публицистическая традиции применения термина «рассказывание» и для описания некоторых элементов политики Российской империи. Как мы видели, подобная трактовка восходит как минимум к материалам из журнала «Вольное казачество», опубликованным еще на рубеже 1920–1930 гг. Сохраняется она и в современной казачьей публицистике. Так, в достаточно известной и скандальной книге Н.Н. Лысенко «Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования» термин «рассказывание» часто употребляется как раз для описания ситуации до 1917 г., причем местами с положительной коннотацией («Сословное рассказывание стало бы благом, а отнюдь не трагедией»), а вот советские репрессии казачества однозначно

именуются «геноцидом» (Лысенко, 2017: 17, 64). Таким образом, мы сталкиваемся с трактовкой термина, близкой к первоначальной: физическое уничтожение казаков советской властью Н.Н. Лысенко исключает из смысловой нагрузки более нейтрального слова «расказачивание», и именует гораздо более экспрессивно, «геноцидом». Конечно, можно просто исключить из рассмотрения очень спорную в историческом плане книгу Н.Н. Лысенко. Однако нужно помнить, что слово «расказачивание» впервые начало регулярно употребляться в казачьей эмигрантской публицистике, и поэтому оно, скорее всего, будет продолжать употребляться – и едва ли корректно с научной точки зрения – в современной казачьей публицистике, развивающей многие идеи казаков-эмигрантов. Так стоит ли усиливать уже существующую смысловую неопределенность, пытаясь сузить значение термина «расказачивание» до четкого и однозначного научного определения, в то время как слово «расказачивание» часто употребляется как публицистический образ?

С другой стороны, попытки трактовать термин «расказачивание» расширительно приводят к фактическому выхолащиванию этого термина, к лишению его внятного смысла. Как мы видели, не только Н.Н. Лысенко, но и ряд авторитетных историков (Р.Г. Тикиджян, А.П. Скорик и др.) предлагают отсчитывать процесс «расказачивания» с имперского периода, точнее со второй половины XIX в. Вот только при этом не вполне понятно, почему, например, Р.Г. Тикиджян считает «эволюционное расказачивание» при Александре II именно «расказачиванием», а репрессии Петра I против донских казаков к «расказачиванию» не относит. Между тем масштаб петровских репрессий против казаков, по мнению некоторых авторов, едва ли не превосходил масштаб репрессий советских («при Петре I на Дону народа выбили больше, чем в живых оставили» – заведующий лабораторией казачества ЮНЦ РАН А.В. Венков (Венков, 2018: 281)). Более того, крупнейший донской ученый и писатель второй половины XIX в. Н.И. Краснов прямо проводил параллели между своей эпохой и началом XVIII в. Так, призывая правительство не торопиться с лишением казаков привилегий, Н.И. Краснов апеллировал к опыту Булавинского восстания, порожденного как раз нежеланием казачества «расстаться равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями» (Краснов, 1864: 210-211). Так если, по мнению ряда современных авторов, уничтожение некоторых привилегий казаков при Александре II было именно «расказачиванием», то почему не считается «расказачиванием» еще более масштабное уничтожение казачьих привилегий Петром I, к тому же повлекшее казачье восстание и ответные репрессии (параллель с советскими репрессиями против казаков и последовавшим восстанием вполне очевидна)? Кстати, в художественном творчестве Н.И. Краснова репрессии Петра I против казаков описаны не менее ярко, чем большевистский террор у М.А. Шолохова (с поправкой, разумеется, на несопоставимый талант авторов): «Великая река сплошь была покрыта обширными плотами, и на каждом из них стояло по несколько виселиц, вроде качелей. К перекладинам во множестве были вбиты крючья и на них висели трупы казаков, раскачиваемые дуновением северного ветра. Иные висели головами книзу; были воткнутые на заостренные колья. На некоторых плотках качались одни отрезанные головы. <...>. Князь Долгорукий, мстя за смерть брата Юрия, буквально исполнил слова царя Петра: «сия саранча, кроме жесточи, ничем иным унята быть не может». Память об этих казнях, где погибло 7 000 донских рыцарей, доселе, как ужасное предание, живет между обитателями Донской земли» (Краснов, 1882: 12-13).

Конечно, мнения Н.И. Краснова нельзя распространять на всю общественную мысль Дона второй половины XIX в., а его утверждения о том, будто бы казаки еще в 1880 г. хорошо помнили петровские репрессии, могли быть преувеличены. Тем не менее, если искать очевидные параллели жесткой политике советской власти по отношению к донским казакам в эпоху Гражданской войны, то жесткое ограничение казачьих привилегий Петром I и инициированный им правительственный террор после Булавинского восстания явно подходят для этого гораздо лучше, чем сравнительно мягкий процесс утраты казаками их прежних прав во второй половине XIX в. Таким образом, если трактовать термин «расказачивание» расширительно, как любую правительственную политику по ограничению прав казачества и/или массовое физическое уничтожение казаков, то «расказачивание» следует начинать с эпохи Петра I, если не с эпохи Алексея Михайловича, когда Донское Войско утратило важнейшую привилегию формальной

независимости, присягнув на верность московским царям. Однако, при определенном внешнем сходстве, сущностно «расказачивания» начала XVIII в. и начала XX в. имеют мало общего, как мало общего было между петровской Россией и РСФСР эпохи В.И. Ленина. Не случайно до сих пор нет ни одной серьезной научной работы, где сопоставлялись бы процессы в донском войске в начале XVIII в. и в начале XX в. (даже Н.Н. Лысенко в своем крайне спорном нарративе их разводит, указывая, что Петр I, в отличие от большевиков, желал не уничтожить казачество как сословие, но подчинить его себе (Венков, 2018: 281).

Впрочем, как мы помним, по крайней мере для А.П. Скорика «исторический процесс расказачивания» это скорее процесс утраты казачьей идентичности, чем формальных привилегий. У других авторов, относящих начало «расказачивания» ко второй половине XIX в., терминологическая основа для этого слабее – так, Р.Г. Тикиджьян традиционно считает «расказачиванием» «десословизацию» и «геноцид» казаков, но при этом пытается доказать, что именно Великие Реформы Александра II задали тенденцию к постепенному упразднению казачества как сословия (Шишова и др., 2021: 40-41). Вот только между началом Великих Реформ и революцией 1917 г. прошло более полувека, и за этот срок казачество как сословие не исчезло. Поэтому остается не ясным, почему берется именно такая точка отсчета. Но и в случае с позицией А.П. Скорика принятие авторского определения «расказачивания» скорее запутывает, чем проясняет ситуацию. С середины XIX в. прошло более 150 лет, однако казачья идентичность до сих пор в полной мере не утрачена. При этом она переживала серьезные сломы и ранее, например, как раз в период правления Петра I, заставившего казаков заниматься сельским хозяйством (Очерк политической истории..., 1919: 41). Почему же более ранние трансформации казачьей идентичности, в рамках логики А.П. Скорика, были не утратой этой идентичности, но ее изменением, а вот именно с середины XIX в. казачья идентичность якобы начала теряться?

Оговорим, что мы не считаем взгляды А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна на «расказачивание» ошибочными. Эти серьезные ученые наверняка имеют некие основания считать, что процессы утраты казаками идентичности и их «десословизации» начались именно в эпоху Великих Реформ. Вот только, трактуя термин «расказачивание» как интуитивно понятный, они очень слабо прописывают эти обоснования в своем нарративе. Но главная проблема, на наш взгляд, даже не в этом. Сама идея привязать термин «расказачивание» к очень спорным и с большим трудом поддающимся анализу процессам (причем процессам скорее психологическим, чем социальным) кажется нам неудачной. Научный термин должен иметь четкое определение, и, например, если процесс утраты казаками их исторических привилегий можно фиксировать независимо от субъективных взглядов историка, то вопрос о том, когда именно процесс утраты этих привилегий, начавшийся, напомним, при Алексее Михайловиче, перешел именно в «десословизацию», едва ли будет иметь однозначный и бесспорный ответ. Аналогичным образом легко зафиксировать репрессии с физическим уничтожением тысяч казаков, но едва ли можно точно указать момент начала процесса утраты казаками особой казачьей идентичности.

Итак, попытки расширительно трактовать термин «расказачивание» ведут к утрате им реального смысла двумя способами. Если мы считаем «расказачиванием» массовое физическое уничтожение казаков, упразднение казачьих привилегий и/или серьезные трансформации казачьей идентичности, то под эти определения попадают множество совершенно различных и сущностно несходных процессов с XVII в. Если же мы, как ряд авторитетных историков, пытаемся не использовать термин «расказачивание» для процессов до середины XIX в., то мы должны вводить в его определение недоказанные (а, возможно, и принципиально недоказуемые) допущения, например, о том, что только с эпохи Великих Реформ упразднение казачьих привилегий вело к «десословизации» казачества. В итоге «расказачивание» или утрачивает смысл как научный термин, или из термина превращается в конструкт, фактически теорию процесса «расказачивания» от конкретного автора. Однако, поскольку при этом «расказачивание» трактуется как интуитивно понятное определение, данная теория в лучшем случае не доказывается, а в худшем даже не прописывается, и читателю остается догадываться, что подразумевал автор под «расказачиванием».

4. Заключение

И нам остается констатировать, что к термину «рассказачивание» в научной литературе следует относиться очень осторожно, избегая его неоправданного использования. Это не аутентичный термин, но производный номенклатурный термин, к тому же вошедший в регулярный оборот в казачьей публицистике. Он действительно использовался до 1990 гг., когда впервые был зафиксирован словарями русского языка, однако не имел устоявшегося значения, и применялся для характеристики совершенно разнородных событий и явлений. В итоге даже в современном научном сообществе нет консенсуса о том, что скрывается за понятием «рассказачивание».

Более того, как нам представляется, при использовании термина «рассказачивание» в наиболее широких значениях оно перестает означать какой-либо реальный исторический феномен и становится условным маркером для совершенно не связанных ни сущностно, ни типологически явлений, в разные эпохи негативно сказывавшихся на положении казаков. При этом у подобного значения слова «рассказачивание» есть давняя публицистическая традиция. Как мы показали выше, слово «рассказачивание» начало регулярно употребляться на рубеже 1920-1930 гг., на страницах журнала «Вольное казачество», и уже тогда имела место предельная политизация данного слова, использование его для обозначения всего, что не нравилось редакции («Все на фронт по борьбе с рассказачиванием!»).

Соответственно, если пытаться трансформировать слово «рассказачивание» в научный термин с четким определением, причем применимым только к явлениям одного сущностного круга, нужно не расширять, но, напротив, максимально сужать его смысл. Наиболее удачным вариантом нам представляется возврат слова «рассказачивание» к тому смыслу, в котором это слово было впервые зафиксировано в словарях русского языка («В советское время: политика лишения казачества самостоятельных военных и политических прав, фактически – его уничтожения»). Если свести «рассказачивание» исключительно к наиболее жестким проявлениям советской политики по отношению к казакам, к физическому уничтожению тысяч представителей казачества, неопределенность в его значении исчезнет. Однако этому препятствует уже сложившаяся историографическая традиция применения данного слова по отношению к некоторым элементам политики Российской империи. И попытки сузить значение слова «рассказачивание» на практике скорее только увеличат двусмысленность, резко усложнив понимание тех многочисленных текстов, в которых оно используется в широком значении.

Таким образом, с одной стороны, расширение применения термина «рассказачивание» на события XVIII или XXI вв. вполне уместно с точки зрения первоначального употребления этого слова. С другой стороны, исходя из необходимости эффективности научной терминологии, расширять применение термина «рассказачивание» едва ли осмысленно, поскольку в итоге его реальное содержание выхолащивается. И, с нашей точки зрения, в сложившейся ситуации лучшим выходом был бы вообще отказ от использования слова «рассказачивание» как научного термина. Необходимо признать, что слово «рассказачивание» изначально было публицистическим образом, а в научной литературе хотя и прижилось, но не получило четкого значения. В итоге за употреблением термина «рассказачивание» обычно скрывается авторский взгляд на проблемы казачества определенной эпохи, фактически целая научная теория «рассказачивания», которая, однако, никогда не обосновывается. Соответственно, пока на смену этим многочисленным и не обоснованным авторским теориям не придет единая общепринятая теория «рассказачивания», использовать слово «рассказачивание» в качестве научного термина вообще не желательно. Это и малопродуктивно в научном отношении, и создает предпосылки для неверного понимания текста, и, главное, может вызвать непредсказуемые последствия с учетом того, что радикальные казачьи деятели до сих пор пытаются обвинять Россию в геноциде казаков, а слово «рассказачивание» может применяться в качестве синонима этого геноцида, но при этом имеет и совершенно иные смыслы. Гораздо более подходящими для определения исторических событий в научной литературе нам представляются аутентичные составные термины соответствующей эпохи (например, для упразднения казачьих войск Российской империей в 1860 г. – «обращение казаков в податное состояние», для советских репрессий в период Гражданской войны – «массовый террор против казаков»), поскольку они не оставляют место для двусмысленности. При

этом, конечно, слово «рассказывание» сохранится в казачьей публицистике и неизбежно его использование историками хотя бы при описании политических настроений определенной части казаков с периода эмиграции по наши дни, однако это должно быть использование не в качестве объективного научного термина.

Литература

- [Балинов, 1930](#) – *Балинов III. Казачье сегодня // Вольное казачество. 1930. № 56. С. 13-14.*
- [Балинов, 1932](#) – *Балинов III. Чем стало казачество // Вольное казачество. 1932. № 99. С. 5-8.*
- [Большевики..., 1930](#) – *Большевики в Казачьих Землях // Вольное казачество. 1930. № 66. С. 5-7.*
- [Борьба с коммунизмом..., 1930](#) – *Борьба с коммунизмом среди поработенных народов // Вольное казачество. 1930. № 57. С. 8-11.*
- [Венков, 2018](#) – *Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 1. С. 275-290.*
- [Гейман, 1930](#) – *Гейман А.А. Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе // Вольное казачество. 1930. № 61-62. С. 18-20.*
- [Давыдова, 2015](#) – *Давыдова О.А. Страшное слово рассказывание // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2015. № 2. С. 16-21.*
- [Данилевский, 2020](#) – *Данилевский И.Н. «Слова, слова, слова» // Новое прошлое/The New Past. 2020. № 3. С. 102-122.*
- [Демидова, 2013](#) – *Демидова А.Н. Рассказывание в Хоперском округе в 1918-1931 гг. Волгоград, 2013. 232 с.*
- [Дукмасов, 1871](#) – *Дукмасов И.А. Необходимость реформы в казачьих войсках // Военный сборник. 1871. № 7. С. 49-70.*
- [Казачество..., 2019](#) – *Казачество в конце XIX - начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2019. 296 с.*
- [Казачий словарь-справочник, 1968](#) – *Казачий словарь-справочник. Т. 1. Кливленд, 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/d.htm> (дата обращения: 13.03.2022).*
- [Карасев, 1900](#) – *Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174.*
- [Конференция..., 2021](#) – *Конференция «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (Токаревские чтения X) 14-15 мая 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://dikoe-pole.com/2021/05/17/x-14-14-2021/> (дата обращения: 13.03.2022).*
- [Краснов, 1864](#) – *Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.*
- [Краснов, 1882](#) – *Краснов Н.И. Казак Иван Богатый. (Эпилог булавиного восстания). Новочеркасск, 1882. 18 с.*
- [Лысенко, 2017](#) – *Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону, 2017. 636 с.*
- [Матишов и др., 2019](#) – *Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону. Ростов-на-Дону, 2019. 216 с.*
- [Наш ответ..., 1930](#) – *Наш ответ г-ну Мельникову // Вольное казачество. 1930. № 65. С. 5-9.*
- [Нечуй-Левицкий, 1930a](#) – *Нечуй-Левицкий Н. Вдуматься – отомстить // Вольное казачество. 1930. № 55. С. 15.*
- [Нечуй-Левицкий, 1930b](#) – *Нечуй-Левицкий Н. Размышление по случаю 13-й годовщины красного октября // Вольное казачество. 1930. № 68. С. 14-16.*
- [ОР РНБ](#) – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- [Очерк политической истории..., 1919](#) – *Очерк политической истории Всеволодского Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 105 с.*
- [Подхомутникова, 2021](#) – *Подхомутникова М.В. Рассказывание: трудные вопросы истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 151-160.*
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

- Савельев, 1930 – Савельев С. Сам себя наказал // *Вольное казачество*. 1930. № 69. С. 16-17.
- Сватиков, 1924 – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549 – 1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Скорик, 2019 – Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 102-115.
- Тикиджьян, 2013 – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Трут, 2003 – Трут В.П. Трагедия рассказывания // *Донской временник*. Вып. 12. Ростов-на-Дону, 2003. С. 24-29.
- Указ Президента..., 2020 – Указ Президента Российской Федерации об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKLDz3Q6T4YworXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
- Харьковский процесс, 1930 – Харьковский процесс // *Вольное казачество*. 1930. № 57. С. 4-5.
- Хрестоматия, 1996 – Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.). М., 1996. 896 с.
- Шишова и др., 2021 – Шишова Н.В., Тикиджьян Р.Г., Бондарев В.А. К вопросу о факторах незавершенности рассказывания в СССР // *Вестник Калмыцкого университета*. 2021. № 1 (49). С. 39-45.
- Шулдяков, 2016 – Шулдяков В.А. Сибирцы и енисейцы, рассказывание и оказывание – две альтернативы 1917 года // *Национальные приоритеты России*. 2016. № 1 (19). С. 25-28.
- Юрченко, 2019 – Юрченко И.Ю. Проблема рассказывания в новейшей историографии: история изучения, юридические и политические аспекты, библиография и статистика публикаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24, № 4. С. 224-234.
- Public sitting..., 2022 – Public sitting held on Monday 7 March 2022, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Donoghue presiding, in the case concerning Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation). [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-ORA-01-00-BI.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
- Russian Federation, 2022 – Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-OTH-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03. 2022).

References

- Balinov, 1930 – Balinov, Sh. (1930). Kazach'e segodnya [Cossack today]. *Vol'noe kazachestvo*. 56: 13-14. [in Russian]
- Balinov, 1932 – Balinov, Sh. (1932). Chem stalo kazachestvo [What became the Cossacks]. *Vol'noe kazachestvo*. 99: 5-8. [in Russian]
- Bol'sheviki..., 1930 – Bol'sheviki v Kazach'ikh Zemlyakh [Bolsheviks in the Cossack Lands]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. № 66. Pp. 5-7. [in Russian]
- Bor'ba s kommunizmom..., 1930 – Bor'ba s kommunizmom sredi poraboshchennykh narodov [The fight against communism among the enslaved peoples]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. № 57. Pp. 8-11. [in Russian]
- Danilevskii, 2020 – Danilevskiy, I.N. (2020). «Slova, slova, slova» [“Words, words, words”]. *Novoe proshloe/The New Past*. 3: 102-122. [in Russian]
- Davydova, 2015 – Davydova, O.A. (2015). Strashnoe slovo raskazachivanie [Terrible word Rascossachivanie]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 2: 16-21 [in Russian]
- Demidova, 2013 – Demidova, A.N. (2013). Raskazachivanie v Khoperskom okruge v 1918–1931 gg. [Decossackization in the Khoper District in 1918-1931]. *Volgograd*. P. 232. [in Russian]
- Dukmasov, 1871 – Dukmasov, I.A. (1871). Neobkhodimost' reformy v kazach'ikh voiskakh [The need for reform in the Cossack hosts]. *Voennyy sbornik*. 7: 49-70. [in Russian]

Geiman, 1930 – *Geiman, A.A.* (1930). Vosstanie protiv bol'shevikov v 1918 g. v Maikopskom otdele [The uprising against the Bolsheviks in 1918 in the Maikop department]. *Vol'noe kazachestvo*. 61-62: 18-20 [in Russian]

Karasev, 1900 – *Karasev, A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862–1863]. *Istoricheskii vestnik*. 80: 167-174. [in Russian]

Kazachestvo..., 2019 – Kazachestvo v kontse XIX – nachale XXI v.: raskazachivanie i sotsiokul'turnye transformatsii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Cossacks in the late 19th – early 21st centuries: decossackization and sociocultural transformations: materials of the All-Russian Scientific Conference.]. Rostov-on-Don, 2019. P. 296. [in Russian]

Kazachii slovar'-spravochnik, 1968 – *Kazachii slovar'-spravochnik* [Cossack dictionary-reference book]. T. 1. Klivlend, 1968. [Electronic resource]. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/d.htm> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Khar'kovskii protsess, 1930 – Khar'kovskii protsess [Kharkov process]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. 57: 4-5. [in Russian]

Khrestomatiya..., 1996 – *Khrestomatiya po otechestvennoi istorii (1914–1945 gg.)* [Chrestomathy about national history (1914–1945).]. M., 1996. P. 896. [in Russian]

Konferentsiya..., 2021 – Konferentsiya «Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii» (Tokarevskie chteniya X) 14-15 maya 2021 goda [Conference “War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia” (Tokarev readings X) May 14-15, 2021]. [Electronic resource]. URL: <https://dikoe-pole.com/2021/05/17/x-14-14-2021/> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Krasnov, 1864 – *Krasnov, N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

Krasnov, 1882 – *Krasnov, N.I.* (1882). Kazak Ivan Bogaty. (Epilog bulavinskogo vosstaniya) [Cossack Ivan the Rich. (Epilogue of the Bulawin Uprising)]. Novocherkassk. P. 18. [in Russian]

Lysenko, 2017 – *Lysenko, N.N.* (2017). Genotsid kazakov v Sovetskoii Rossii SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya [Genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. Experience in ethno-political research]. Rostov-na-Donu. P. 636. [in Russian]

Matishov i dr., 2019 – *Matishov, G.G., Savel'eva, O.S., Slyunina, E.Yu.* (2019). Tsimlyanskaya plotina: poslednii akkord raskazachivaniya na Donu [Tsimlyanskaya dam: the last chord of decossackization on the Don]. Rostov-na-Donu. P. 216. [in Russian]

Nash otvet..., 1930 – Nash otvet g-nu Mel'nikovu [Our answer to Mr. Melnikov]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. 65: 5-9. [in Russian]

Nechui-Levitskii, 1930a – *Nechui-Levitskii, N.* (1930). Vdumat'sya – otomstit' [Think about it – take revenge]. *Vol'noe kazachestvo*. 55: 15. [in Russian]

Nechui-Levitskii, 1930b – *Nechui-Levitskii, N.* (1930). Razmyshlenie po sluchayu 13-i godovshchiny krasnogo oktyabrya [Reflection about the occasion of the 13th anniversary of Red October]. *Vol'noe kazachestvo*. 68: 14-16. [in Russian]

Ocherk politicheskoi istorii..., 1919 – *Ocherk politicheskoi istorii Vsevelikogo Voiska Donskogo* [Essay about the political history of the Great Don Host]. Novocherkassk, 1919. P. 105. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Podkhomutnikova, 2021 – *Podkhomutnikova, M.V.* (2021). Raskazachivanie: trudnye voprosy istorii [Raskazachivanie: difficult issues of history]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 13(2): 151-160. [in Russian]

Public sitting..., 2022 – Public sitting held on Monday 7 March 2022, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Donoghue presiding, in the case concerning Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation). [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-ORA-01-00-BI.pdf> (date of access: 13.03.2022).

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

Russian Federation, 2022 – Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-OTH-01-00-EN.pdf> (date of access: 14.03.2022).

Savel'ev, 1930 – Savel'ev, S. (1930). Sam sebya nakazal [Punished himself]. *Vol'noe kazachestvo*. 69: 16-17. [in Russian]

Shishova i dr., 2021 – Shishova, N.V., Tikidzh'yan, R.G., Bondarev, V.A. (2021). K voprosu o faktorakh nezavershennosti raskazachivaniya v SSSR [About the question factors of decossackization in the USSR]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 1(49): 39-45. [in Russian]

Shuldyakov, 2016 – Shuldyakov, V.A. (2016). Sibirtsy i eniseitsy, raskazachivanie i okazachivanie – dve al'ternativy 1917 goda [The sibirtsy and the eniseitsy, decossackization and ocosackization – two alternatives of 1917]. *Natsional'nye priority Rossii*. 1(19): 25-28. [in Russian]

Skorik, 2019 – Skorik, A.P. (2019). Raskazachivanie kak politika i sotsial'nyi protsess na Donu v 1920-e gody [Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 102-115 [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

Tikidzh'jan, 2013 – Tikidzh'jan, R.G. (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX centuries. A historical portrait]. Saarbrücken. P. 228. [in Russian]

Trut, 2003 – Trut, V.P. (2003). Tragediya raskazachivaniya [The tragedy of decossackization]. *Donskoi vremennik*. 12: 24-29. [in Russian]

Ukaz Prezidenta..., 2020 – Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii rossiiskogo kazachestva na 2021–2030 gody [Decree of the President of the Russian Federation on approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation towards the Russian Cossacks for 2021–2030]. [Electronic resource]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKLDz3Q6T4YworXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Venkov, 2018 – Venkov, A.V. (2018). Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the «Cossack people»]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 275-290. [in Russian]

Yurchenko, 2019 – Yurchenko, I.Yu. (2019). Problema raskazachivaniya v noveishei istoriografii: istoriya izucheniya, yuridicheskie i politicheskie aspekty, bibliografiya i statistika publikatsii [The Issue of Decossackization in Modern Historiography: History of Studying, Legal and Political Aspects, Bibliography and Statistics of Publications]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 224-234. [in Russian]

К вопросу о рисках применения термина «рассказачивание»

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в постсоветской историографии и публицистике используется ряд терминов, имеющих ярко выраженную экспрессивную окраску и потенциально деструктивных. Самым ярким примером подобного термина является термин «геноцид», вопрос о трактовке которого Россией в настоящее время даже рассматривается Международным судом ООН. Однако существуют и более частные термины, применяющиеся для обозначения конкретных репрессий, такие, как «голодомор» или «рассказачивание».

Термин «рассказачивание» часто используется даже в научной литературе без расшифровки его конкретного значения. Между тем он многозначен, и есть случаи его применения для обозначения исключительно «геноцида казаков». С учетом существования общественно-политических сил, призывающих к возмездию русским за этот (реальный или

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

мифический) геноцид, вопрос об уместности применения научного термина «расказачивание» встает особенно остро.

В статье показано, что термин «расказачивание» не является аутентичным. Первые найденные нами случаи его применения относятся к рубежу 1910–1920 гг., причем тогда он имел другой смысл, обозначая сравнительно мирный процесс утраты казаками своих привилегий и идентичности. Регулярно использоваться он стал на страницах эмигрантского журнала «Вольное Казачество» к 1930 г. Однако уже тогда он впервые поменял значение, начав применяться для обозначения самых разных процессов, невыгодных для казачества, по мнению редакции журнала. И только в 1990 гг. «расказачивание» попадает в словари русского языка как обозначение жестких советских репрессий казачества.

Современные историки используют термин «расказачивание» во всех указанных выше смыслах, добавляя к ним еще и свои. Это затрудняет, а не облегчает понимание их статей. Кроме того, зачастую под термином «расказачивание» скрываются неочевидные авторские воззрения на различные процессы истории казачества. Автор делает вывод, что следует избегать использования слова «расказачивание» как научного термина, заменяя его сложными аутентичными терминами (например, «массовый террор против казаков»).

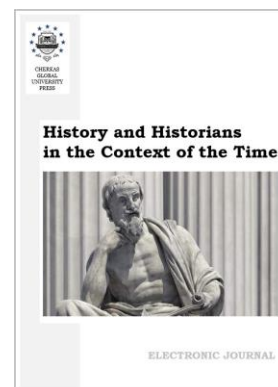
Ключевые слова: донское казачество, расказачивание, донская историография, «Вольное Казачество», научные термины, казачий национализм.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2022. 31(1): 31-36

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.31
<https://hhct.cherkasgu.press>

“History and Historians in the Context of the Time” Journal (1992–2022 years): The History Pages

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper examines the pages of the history of the “History and Historians in the Context of the Time” journal for the period from 1992 to 2022. The attention is paid to the process of formation and further development of this periodical.

The collection of documents “Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents”, published for the 30th anniversary of the organization and containing information about the formation of the first periodical, was used as materials in the work. The bindings of the publications “Vestnik Leib-gvardii” and “History and Historians in the Context of the Time” were also used.

The author concludes that during the period of its existence from 1992 to 2022, the periodical “History and Historians in the Context of the Time” changed its name several times. In 1992–1997, the publication existed under the name “Vestnik Leib-gvardii”, in 2003–2012 – “Istoriya i istoriki v kontekste vremeni”, and from 2013 to the present – “History and Historians in the Context of the Time”. At the same time, if in the 1990s the publication functioned as a monthly newspaper with publication, among other materials and materials about the history of the Russian Empire, then since 2003 the publication becomes a purely scientific journal with a frequency of one to two times a year.

Keywords: periodical, “Vestnik Leib-gvardii”, “History and Historians in the Context of the Time”, 1992–2022 years, anniversary, Cherkas Global University Press.

1. Введение

Журнал «History and Historians in the Context of the Time» является старейшим изданием Cherkas Global University Press, которое было основано в 1992 г. как ежемесячная газета «Вестник Лейб-гвардии» и реорганизованная в 2003 г. в «История и историки в контексте времени». С 2013 г. журнал сменил свое название на англоязычное – «History and Historians in the Context of the Time». В разное время и «Вестник Лейб-гвардии», и «History and Historians in the Context of the Time» становились объектом изучения специалистов, однако комплексная попытка рассмотрения истории издания за 1992–2022 гг. предпринимается впервые. Это и является актуальностью нашего исследования.

2. Материалы и методы

В работе в качестве материалов был использован сборник документов «Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents», изданный к 30-летию организации и

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

содержащий сведения о становлении первого периодического издания ([Cherkas Global University, 2022](#)). Также использованы подшивки изданий «Вестник Лейб-гвардии» и «History and Historians in the Context of the Time».

Проблематика исследования определила и применяемые в работе методы. Так, например, в работе широко применялся метод контент-анализа в сочетании с историко-хронологическим методом, что позволило рассмотреть массив изданных за период с 1992 по 2022 гг. опубликованных материалов в их хронологической последовательности. Традиционное значение имеет источниковедческий метод. Благодаря которому была проведена внешняя и внутренняя критика источников, что, в свою очередь, позволило проследить эволюцию публикуемых в издании жанров, тематики научных исследований, а также обратить внимание на внешние особенности издания.

3. Обсуждение

Как уже отмечалось во введении «Вестник Лейб-гвардии» и «History and Historians in the Context of the Time» уже становились объектом изучения исследователей.

Упоминания о «Вестнике Лейб-гвардии» были в работе В.В. Тараканова и С.Д. Людвиг, посвященной 20-летию научно-педагогической деятельности А.А. Черкасова, который являлся основателем и редактором «Вестника» ([Tarakanov, Ludwig, 2019](#)). В том же 2019 г. вышла статья В.В. Тараканова и М.А. Пономаревой, посвященной 5-летию международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований, в этой работе также было уделено эпизодическое внимание «Вестнику Лейб-гвардии» ([Tarakanov, Ponomareva, 2019](#)).

В 2021 г. вышло сразу несколько работ посвященных непосредственно «Вестнику Лейб-гвардии». Так, например, «Вестник Лейб-гвардии» рассматривался в качестве исторического источника, этой теме уделил внимание Г. Райович ([Rajović, 2021](#)), а К.В. Таран обратился к истории этого издания в контексте процесса становления Cherkas Global University ([Taran, 2021](#)).

Наконец в 2022 г. вышла работа И.Ю. Черкасовой «Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, Tomorrow» ([Cherkasova, 2022](#)), в которой рассматривались страницы истории этой организации в целом, и «Вестника Лейб-гвардии» в частности.

Что касается издания «History and Historians in the Context of the Time», то в 2018 г. было издана работа И. Шиукашвили «The Scientific Journal "History and Historians in the Context of the Time": 15 Years Later», посвященная 15-летию юбилею непосредственно журнала «История и историки в контексте времени» ([Shiukashvili, 2018](#)).

4. Результаты

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении источники и публикации позволяют нам утверждать, история журнала «History and Historians in the Context of the Time» началась в августе 1992 г. Так, 1 августа 1992 г. руководитель военно-исторического общества «Лейб-гвардии Семеновский полк» в г. Сочи Александр Арвелодович Черкасов инициировал выпуск периодического издания – газеты «Вестник Лейб-гвардии» ([Cherkas Global University, 2022: 7](#)). На страницах издания предполагалось публиковать работы по истории, освещать жизнь общества и местные новости. Периодичность выпуска составляла один раз в месяц ([Cherkas Global University, 2022: 7](#)).

Забегая вперед скажем, что газета издавалась в 1992–1993 гг., а после перерыва была возобновлена в 1996–1997 гг. Всего было выпущено 14 номеров данного издания, из них: 5 номеров в 1992 г., 4 – в 1993 г., 1 – в 1996 г. и 4 – в 1997 г.

Газета издавалась на 4 полосах (страницах) формата А4. Учредителем издания на протяжении всего периода с 1992 по 1997 гг. было военно-историческое общество, руководителем которого являлся А.А. Черкасов. Как и планировалось на страницах «Вестника» публиковались материалы о жизни военно-исторического общества, новости других аналогичных обществ на территории России, а также делались экскурсии в историю Первой мировой войны, военно-учебных заведений Российской империи.

В 1997 г. когда выпуск «Вестника» был прекращен, Александр Черкасов учился на 3-м курсе историко-филологического факультета Сочинского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В 1998 г. сочинский филиал этого университета был объединен с Сочинским институтом курортного дела и

туризма, в результате чего был создан Сочинский государственный университет туризма и курортного дела. В 1999 г. Черкасов завершает обучение в университете и поступает ассистентом преподавателя на кафедру отечественной истории в этот же университет. В 2002 г. он защищает кандидатскую диссертацию и получает должность доцента кафедры (Tarakanov, Ludwig, 2019: 915).

В это время в университете не было ни одного периодического издания. В результате в 2003 г. по инициативе декана историко-филологического факультета был создан сборник научных трудов двух исторических кафедр («отечественная история» и «зарубежной истории и культурологии»), который назывался «История и историки в контексте времени». Выпускающим редактором сборника являлся А.А. Черкасов, а с 2004 г. – главным редактором.

По понятным причинам указать что преемственность «Вестника Лейб-гвардии» и «Истории и историков в контексте времени» в то время было нельзя так как в 1992 г. в городе не было учебных заведений по профилю издания.

Проект «История и историки в контексте времени» задумывался как ежегодник двух кафедр. Минимальный объем рукописей в издание составлял 16 страниц, сам сборник находился на самофинансировании, то есть затраты на публикацию оплачивались авторами. Нужно также отметить, что в Сочи в то время издавалось сравнительно мало научной литературы, поэтому первые номера для придания изданию большего статуса издавались в редакции научного издательства Кубанского государственного университета. С этой целью А.А. Черкасов ездил в университет для согласования оригинал-макета сборника. В результате местом издания сборника был не только город Сочи, но и город Краснодар.

Спустя несколько лет необходимость в таких поездках отпала. В 2013 г. А.А. Черкасов развернул «История и историки в контексте времени» в научный журнал, присвоив изданию международный номер ISSN для журнальных изданий и перешел на выпуск журнала – 2 раза в год. В том же году название журнала было заменено на англоязычное – «History and Historians in the Context of the Time». Причина смены названия была простой, согласно государственным стандартам названия публикаций, в том числе названия журналов для международных стандартов необходимо было транслитерировать. С этой транслитерацией постоянно возникали значительные проблемы, что приводило к тому, что в наукометрических системах ссылки на неверно транслитерированные работы не засчитывались и создавали путаницу. В результате А.А. Черкасов принимает решение открывать новые научные журналы с англоязычными названиями, а уже имеющиеся перевести и перерегистрировать. Нужно пояснить что ко времени принятия этого решения уже существовало издательство ООО «Научный издательский дом «Исследователь» (директор – А.А. Черкасов) (Cherkas Global University, 2022: 16).

Начиная с 2003 г. сборник «История и историки в контексте времени» издавался в формате А5 (книжный формат). Объем сборника впервые 5 лет своего выпуска составлял около 200 страниц, впоследствии объем несколько снижался.

Что касается тематики издания, то некоторое время издание являлось кафедральным сборником научных трудов, однако со временем в сборник стали привлекаться внешние российские авторы, а с 2010 г. – иностранные специалисты. Этому способствовало создание А.А. Черкасовым не только печатной версии сборника, но и электронной – с собственным сайтом. К 2013 г. «History and Historians in the Context of the Time» уже был журналом открытого доступа, который индексировался в значительном количестве международных баз данных второго рейтинга – например, DOAJ (Directory of open access journals).

Журнал являлся общеисторическим изданием, но большая часть статей была посвящена истории России. Со временем журнал начал сужать проблематику публикуемых материалов и сегодня специализируется только на истории Кавказа и смежных регионов.

За период своего существования издание несколько раз меняло свои обложки (титульные страницы). Рассмотрим эти страницы в хронологическом порядке.

Рис. 1. Титульная страница «Вестника Лейб-гвардии». 1992. № 5

В 2003–2021 г. обложка журнала менялась 3 раза (См. [Рисунки 2, 3, 4](#)).

Рис. 2. Обложка в 2003 г.

Рис. 3. Обложка в 2004-2012 гг.

Рис. 4. Обложка в 2013-2021 гг.

В 2021 г. издательство, которое издавало «History and Historians in the Context of the Time», в связи с изменением геолокации получило название Cherkas Global University Press. В связи с этим и обложка журнала изменилась в очередной раз ([Рисунок 5](#)).

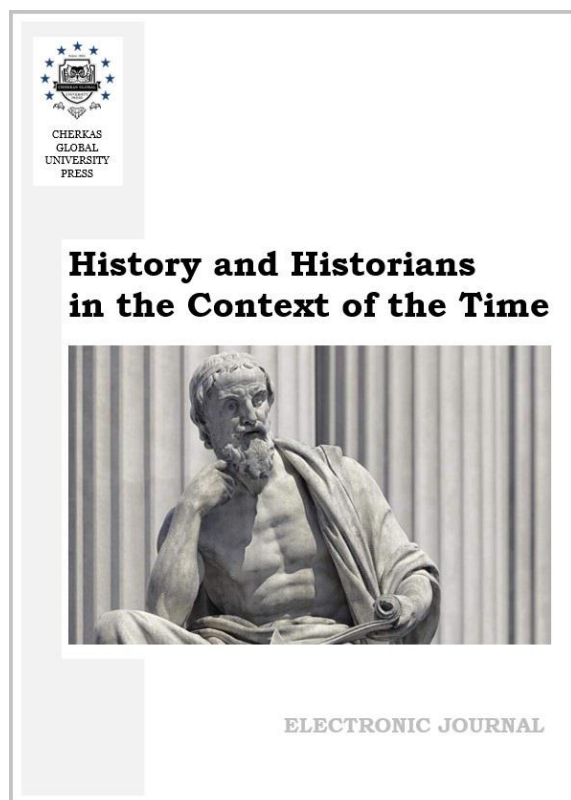

Рис. 5. Обложка «History and Historians in the Context of the Time» в 2022 г.

5. Заключение

Итак, завершая необходимо отметить, что за период своего существования с 1992 по 2022 гг. издание «History and Historians in the Context of the Time» несколько раз меняло свое название. В 1992–1997 гг. издание существовало под названием «Вестник Лейб-гвардии», в 2003–2012 гг. – «История и историки в контексте времени», а с 2013 г. по настоящее время – «History and Historians in the Context of the Time». При этом если в 1990-е гг. издание функционировало в качестве ежемесячной газеты с публикацией среди прочих материалов и материалов об истории Российской империи, то с 2003 г. издание становится сугубо научным журналом с периодичностью от одного до двух раз в год.

Литература

[Cherkas Global University, 2022](#) – Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents. Cherkas Global University Press. Los Angeles. Washington DC, 2022. 186 p.

[Cherkasova, 2022](#) – Cherkasova I.Yu. Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, Tomorrow // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1039-1047.

[Rajović, 2021](#) – Rajović G. The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 93-98.

[Shiukashvili, 2018](#) – Shiukashvili I. The Scientific Journal "History and Historians in the Context of the Time": 15 Years Later // *History and Historians in the Context of the Time*. 2018. 16(1): 3-27.

[Tarakanov, Ludwig, 2019](#) – Tarakanov V.V., Ludwig S.D. Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity) // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 914-920.

[Tarakanov, Ponomareva, 2019](#) – Tarakanov V.V., Ponomareva M.A. INCFA: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute) // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 984-992.

[Taran, 2021](#) – Taran K.V. A History of Cherkas Global University: Its Making (1992–2014) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1077-1082.

References

- [Cherkas Global University, 2022](#) – Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents. Cherkas Global University Press. Los Angeles. Washington DC, 2022. 186 p.
- [Shiukashvili, 2018](#) – *Shiukashvili, I.* (2018). The Scientific Journal "History and Historians in the Context of the Time": 15 Years Later. *History and Historians in the Context of the Time*. 16(1): 3-27.
- [Rajović, 2021](#) – *Rajović, G.* (2021). The Newspaper "Vestnik Leib-Gvardii" (1992–1997) as a Historical Source. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 93-98.
- [Tarakanov, Ludwig, 2019](#) – *Tarakanov, V.V., Ludwig, S.D.* (2019). Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity). *Bylye Gody*. 53(3): 914-920.
- [Tarakanov, Ponomareva, 2019](#) – *Tarakanov, V.V., Ponomareva, M.A.* (2019). INC FAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute). *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 984-992.
- [Taran, 2021](#) – *Taran, K.V.* (2021). A History of Cherkas Global University: Its Making (1992–2014). *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1077-1082.
- [Cherkasova, 2022](#) – *Cherkasova, I.Yu.* (2022). Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, Tomorrow. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1039-1047.

Журнал «History and Historians in the Context of the Time» (1992–2022 гг.): страницы истории

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются страницы истории журнала «History and Historians in the Context of the Time» за период с 1992 по 2022 гг. Уделено внимание процессу становления и дальнейшему развитию данного периодического издания.

В работе в качестве материалов был использован сборник документов «Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents», изданный к 30-летию организации и содержащий сведения о становлении первого периодического издания. Также использованы подшивки изданий «Вестник Лейб-гвардии» и «History and Historians in the Context of the Time».

В заключении автор отмечает, что за период своего существования с 1992 по 2022 гг. издание «History and Historians in the Context of the Time» несколько раз меняло свое название. В 1992–1997 гг. издание существовало под названием «Вестник Лейб-гвардии», в 2003–2012 гг. – «История и историки в контексте времени», а с 2013 г. по настоящее время – «History and Historians in the Context of the Time». При этом если в 1990-е гг. издание функционировало в качестве ежемесячной газеты с публикацией среди прочих материалов и материалов об истории Российской империи, то с 2003 г. издание становится сугубо научным журналом с периодичностью от одного до двух раз в год.

Ключевые слова: периодическое издание, «Вестник Лейб-гвардии», «History and Historians in the Context of the Time», 1992-2022 гг., юбилей, Cherkas Global University Press.

* Корреспондирующий автор

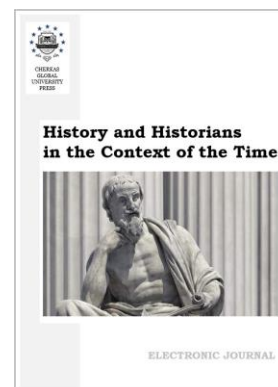
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2022. 31(1): 37-45

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.37
<https://hhct.cherkasgu.press>

The Origin and Development of the Institute of the Honorary Consul in the Ukraine's Diplomatic and Consular Service

Anatolii L. Cherniavskiyi ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article is devoted to studying the processes of origin and development of the institute of the honorary consul in the system of Ukraine's diplomatic and consular service. Until the 17th and 18th centuries, the Ukrainian consular service was born in the orbit of the European diplomatic relations system. Protecting fellow citizens abroad was mainly carried out by private individuals – merchants, ship owners, and wealthy citizens. In 1649, Bohdan Khmelnytsky signed the Treaty between the Sultan of Turkey and the Zaporizhzhya Army and the Russian people, which provided for the introduction of particular positions of residents of the Zaporizhzhya Army, called to protect the rights of Ukrainians and represent them before the authorities of the Ottoman Empire.

The suppression of the seeds of the Ukrainian state by the Moscow regime led to the liquidation of the Ukrainian diplomatic and consular service. A short surge in the development of Ukrainian diplomacy in 1917–1921 was also suppressed by the Soviet authorities.

After the declaration of Ukraine's independence in 1991, the revived Ukrainian diplomacy faced an acute shortage of personnel and material resources by deploying a vast network of diplomatic and consular services. One of the ways out of this situation is the active use of the honorary consul institute.

An analysis of the activities of honorary consuls of Ukraine and foreign honorary consuls in Ukraine shows that representatives of big businesses or owners of large capital are often appointed to these positions, to whom the status of honorary consul provides additional authority, privileges, and immunities. In most cases, such honorary consuls avoid the direct performance of consular functions and do not provide the necessary consular protection to citizens. Not the least of these is the Ukrainian legislation, according to which honorary consuls of Ukraine directly perform consular functions provided for in Art. 5 of the Vienna Convention on Consular Relations 1963, which is possible only in exceptional cases.

At the same time, the practice of European states has developed new approaches to the institution of the honorary consul. Qualified specialists (lawyers, notaries) capable of providing assistance and professional protection of citizens of the accrediting state before the authorities of the host state are appointed to such positions.

The authors concluded that in the conditions of a sharp increase in the number of Ukraine citizens who are abroad due to the military invasion of Russia, the need to modernize approaches to understanding the functional purpose of honorary consuls and harmonize this institution with the European experience becomes urgent.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherniavskiyi@yur.sumdu.edu.ua (A.L. Cherniavskiyi)

Keywords: consular relations, consular functions, consular posts, consul, honorary consul, consul ad honorem.

1. Introduction

Consular protection of citizens abroad is commonly carried out by two groups of officials – full-time consuls who are in the diplomatic service of the accrediting state and honorary (non-staff) consuls, as a rule, residents of the receiving state. Honorary consuls do not receive remuneration from the accrediting state for their activities and combine the implementation consular functions with commercial or other paid activities.

Many European states have an extensive network of honorary consuls, which allows them to quickly provide the necessary legal, organizational, or consulting assistance to their citizens who are in a difficult situation abroad. The Ukrainian consular service, including the institute of honorary consuls, was born in pan-European diplomacy. However, due to the Russian government's permanent suppression of the attempts of the Ukrainian people to build their statehood, the foreign experience of creating and operating a network of full-time and honorary consular institutions carrying out consular protection of their citizens abroad is underutilized.

As a result of Russia's aggression against Ukraine, millions of Ukrainian citizens are forced to seek refuge abroad, primarily within the European Union. According to various estimates, about 5-7 million Ukrainian citizens had now found refuge or received temporary protection in Europe. Considering the number of Ukrainians who left Ukraine before the war began, this figure may reach 10 million.

The existing network of Ukrainian consular institutions abroad cannot appropriately perform the functions assigned to them with such a large number of citizens. The problem can be solved by increasing the number of honorary consuls of Ukraine abroad, which requires both a change in approaches to their appointment and a rethinking of the paradigm of the honorary consul institute in the domestic foreign policy service.

2. Materials and methods

Due to the relatively recent revival of the diplomatic and consular service of independent Ukraine, the issue of effective organization of the activities of honorary consuls of Ukraine abroad, as well as foreign honorary consuls in Ukraine, was not given sufficient attention either in legal science, or in acts of national legislation, or the practical activities of the Ukrainian Foreign Ministry.

The analysis of the evolution of the institution of the honorary consul in the Ukrainian diplomatic and consular service made it possible to identify the main trends of its development and the principal modern challenges facing it.

The theoretical basis of this study was the publications of Ukrainian authors who studied the essence and legal institution of the honorary consul, its origins in the Ukrainian diplomatic and consular system and the current state of development, as well as the primary forms of implementation of consular functions (Aznakaiev, 2003; Dela, 2015; Hrachevska, 2019; Hrinenko, 2005; Lozinska, 2002; Matiash, 2016; Miroshnychenko, 2010). The Final document of the Congress of Vienna (Final..., 1815), Vienna Convention on Consular Relations of 1963 (Convention..., 1963) and normative documents (current and historical) of the Ukrainian legislation formed the empirical framework of the study.

3. Discussion

During their stay abroad, citizens often face various problems, the timely solution of which may depend on their safety and integrity or property well-being. Due to various economic, cultural, political, and legal circumstances, such citizens may not receive adequate assistance from the host country's authorities. In such cases, the only form of practical assistance is providing these citizens with protection, consultations, or patronage by the consular institutions of the state of their citizenship (the accrediting state).

Usually, consular functions can be performed by two categories of officials – full-time consuls (consuls general, consuls, vice-consuls, and consular agents), as well as honorary (non-staff) consuls.

In Ukrainian science, a small number of works are devoted to the organization and activity of consular institutions, and even fewer to the problems of the legal status and functioning of honorary consuls. At the same time, as a rule, the author's attention is paid to the historical aspects

of the activities of Ukrainian honorary consuls or foreign honorary consuls in Ukraine in the context of the development of the domestic diplomatic and consular service (Balabanov, Trofymenko, 2012; Lozinska, 2002; Matiash, 2016). Another direction of domestic research of the honorary consul institute is devoted to the role of honorary consuls in functioning the current diplomatic and consular service of Ukraine. At the same time, the authors' attention is mainly paid to the general political aspects of the activities of honorary consuls, the order of appointment, and the content and features of the implementation of their privileges and immunities. Only in some cases are the problems that prevent consuls and honorary consuls from effectively carrying out their assigned functions in the field of protecting the rights of fellow citizens abroad, for example, the issue of the possibility of granting foreign consuls and honorary consuls in Ukraine the right to perform separate notarial acts is being considered (Hrinenko, 2005).

In general, in Ukrainian studies, as a rule, the authors ignore that the post-Soviet understanding of the legal nature of the honorary consul and the tasks he faces needs to be updated and correspond to the modern practice of European states. Therefore, the legal framework requires modernization at the level of rethinking the very paradigms of the honorary consul institute.

4. Results

The institution of the honorary consul was formally established only in the Vienna Convention on Consular Relations of 1963. However, this institution is much older and originated in the depths of ancient international law. Traditionally, the ancient Greek proxenia and the Roman patronage are considered the prototype of the modern position of consul. Noteworthy that the Greek proxenia was most often carried out by private individuals, usually merchants, and the Roman patronage – by officials (master's degrees), who acted as private individuals in patronage relations. Both proxenia and patronage were exercised freely in addition to the leading merchant or political (magisterial) activity.

During the Renaissance, marked by the rapid development of international trade and increased population migration between European countries, consular functions continued to be performed mainly by wealthy private individuals – merchants or shipowners.

In the 16th and 17th centuries, Ukrainian lands were in European diplomatic relations, and the organization of consular activity fully reflected the European experience of that time. As a general rule, diplomatic activity on behalf of the Commonwealth was carried out by ambassadors of the Polish king, the Polish and Lithuanian Diets. In contrast, consular functions were carried out by Polish, Lithuanian, and Russian (Ukrainian) magnates and representatives of the Crown Hetman.

In parallel with them, Zaporozhian Sich (Wild Field) actively participated in trade relations with the Ottoman Empire, the Crimean Khanate, Wallachia, and other countries of the Black Sea region. Zaporizhian Sich recognized formal subjection to the Polish crown but took an independent part in such relations.

Merchants founded their factories in the Ottoman Empire, particularly in the Crimean Khanate; Zaporozhian Cossacks often ended up in Crimean or Turkish captivity due to border skirmishes. All this required the implementation of consular functions to protect one's compatriots and represent their interests before the power of the Crimean Khan or the Turkish Sultan. Most often, such functions were carried out by Russian owners of local factories or emissaries of Zaporozhian Sich, who were independent of the authorities of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

The liberation war of Hetman Bohdan Khmelnytskyi in 1648-1657 formalized the diplomatic independence of Zaporozhian Sich (Zaporozhian Host).

In 1649, Bohdan Khmelnytskyi signed a treaty between the Sultan of Turkey, the Zaporozhian Host, and the Ukrainian people. This agreement consisted of 13 articles and was of particular importance for regulating the development of the Ukrainian Zaporozhian statehood and protecting its economic interests. Thus, in clauses two and four of the contract, it was assumed that the resident of the Zaporozhian Host and its land would live in Istanbul with due respect and safety. This resident can seek justice for aggrieved Cossack merchants. The Zaporozhian Host also receives a resident Sultan in its port city. Ukrainian merchants were given the right for one hundred years to build their warehouses in various ports and cities of Turkey for the storage and packaging of goods and to conduct warehouse trade without paying any taxes. Also, to protect the interests of Turkish merchants, a Turkish governor was permanently stationed in one of the ports of Zaporozhian statehood (Lozinska, 2002: 157-158).

The genealogy of the independent Ukrainian diplomatic and consular service originates precisely from the Turkish – Zaporozhian Host treaty of 1649. No reliable information has been preserved about the nature of the activities of Zaporozhian residents in the Ottoman Empire. However, there are reasons to believe that their legal status differed little from the representatives of European states at the Ottoman court. The most famous in this regard is Andrea Gritti, the 77th Doge of the Republic of Venice, whose career began as a merchant in Istanbul. At the same time, Gritti actively promoted the interests of European monarchs and protected their subjects.

The genealogy of the independent Ukrainian diplomatic and consular service originates precisely from the Turkish – Zaporozhian treaty of 1649. No reliable information has been preserved about the nature of the activities of Zaporozhian residents in the Ottoman Empire. However, there are reasons to believe that their legal status differed little from the representatives of European states at the Ottoman court. The most famous in this regard is Andrea Gritti, the 77th Doge of the Republic of Venice, whose career began as a merchant in Istanbul. At the same time, Gritti actively promoted the interests of European monarchs and protected their subjects (Ozman, 2009).

Zaporozhian Sich in 1775 led to the gradual winding down and final termination of the diplomatic and consular service of the Zaporozhian Host. Another attempt to develop the Ukrainian diplomatic and consular service took place only at the beginning of the 20th century during the Liberation Struggle (Ukrainian Revolution) of 1917-1921. At that time, the European states had already formed a regular practice of the activities of consular institutions in general and honorary consuls in particular. Therefore, the foreign policy service of the Ukrainian People's Republic actively tried to be included in the system of diplomatic relations of that time and introduced all possible institutions at that time, including the widespread 19th-century institute of honorary consuls.

Under the influence of the Congress of Vienna, European countries and other regions began to adopt legal acts that established the organizational foundations of the consular service and fined the legal status of consuls, the nature of their activities, rights, and privileges. Bilateral consular agreements are concluded between the states. At the same time, the process of formation of the system of consular ranks is taking place: consul general, consul, vice consul, and consular agent. Consulates have almost wholly come under the control of foreign affairs departments. The rapid growth in the number of consular missions and their staff necessitated the reform of the consular service. Such reforms took place in Russia (1820), England (1825), France (1883), and other countries. During the reform, states mostly adopted Consular Statutes. The adoption of a significant number of agreements on consular matters at the beginning of the XX century accompanied the development of consular relations. there were 150 (Bobylyev, Zubkov, 1986).

Austria was the first country to legislate the institution of honorary consuls. In 1825, the imperial decree on the consular service was adopted. Later, the institution of the honorary (non-staff) consul appeared in the USA (1856) and Belgium (1857) (Balabanov, Trofymenko, 2012: 9-10). At the beginning of the 20th century, appointing one's own honorary consuls and granting consular patents to honorary consuls of foreign countries became a common diplomatic practice.

The establishment of the institute of honorary consuls in the Ukrainian consular service fell on the day of the Directorate of the Ukrainian People's Republic. However, the idea of the need to introduce the positions of honorary consuls in foreign countries was discussed even during the development of normative documents based on Hetman's Ministry of Foreign Affairs. During the days of the Central Rada, the draft normative documents related to establishing the consular service as a state institution did not mention the positions of honorary consuls enshrined in the consular statutes of various countries. In reality, the Ministry of Foreign Affairs of the Ukrainian People's Republic started introducing honorary consul's positions in January 1921. As an honorary consul, he started working at the honorary consul of the Ukrainian People's Republic in Berlin, to whom the rights of the consul general were delegated. In addition to Germany, honorary consulates were established in Sweden, the Netherlands, Switzerland, and Denmark. Heads of honorary consulates were sought among the local business elite. Information about the applicant was carefully studied before deciding on the appointment (Matias, 2016: 22).

After the fall of the Ukrainian People's Republic and the installation of Soviet power, the existence of the honorary consul institution has been periodically questioned. Thus, the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated October 18, 1918, "On the organization

of consulates,” allowed the appointment of non-staff (honorary) consuls recruited from local citizens. However, subsequent agreements with Poland, Czechoslovakia, Germany, etc., provided for the creation of only full-time consulates. However, soon the attitude of the Soviet government towards the institution of the honorary consul changed dramatically. Thus, the general provision on Soviet bodies abroad, adopted in 1921, did not provide for the appointment of honorary consuls, although there was no refusal of such a possibility. The Consular Statute of the USSR of 1926 already contained a direct refusal to appoint honorary consuls. A similar requirement was contained in the international agreements concluded by the Soviet Union. The consular statute of 1976 allowed the possibility of performing some consular functions by non-regular or honorary consuls. In the Regulation on non-status consul, which was adopted as an addition to the Consular Statute of the USSR of April 17, 1988, the appointment of honorary consuls became possible again (Balabanov, Trofymenko, 2012: 9-10).

At the international level, a pivotal moment in the evolution of the honorary consul institution was the Vienna Convention on Consular Relations adoption in 1963. During the development of the text of the Convention, there was an extremely sharp struggle between the positions of different states, specifically regarding the legal status of honorary consuls. Many European states, in particular, Switzerland, Belgium, the Netherlands, and the Scandinavian countries, which had a wide network of honorary consuls, actively promoted the idea of granting honorary consuls the same privileges and immunities as full-time consuls. On the other hand, some countries in Asia and Africa denied granting honorary consuls such privileges and immunities and also defended their right to strictly control the commercial and other not related to the performance of consular functions, and activities of honorary consuls on their territory (Miroshnychenko, 2010: 303).

In the end, the final version of the Convention on Consular Communications became a compromise in Art. 68 of the Convention established the provision according to which Each State is free to decide whether it will appoint or receive honorary consular officers (Convention..., 1963).

After Ukraine gained independence in 1991, the development of its diplomatic and consular services began. The application of the so-called "zero option" of legal succession resulted in Ukraine losing any rights to the property of the former USSR abroad, including the premises and equipment of former Soviet diplomatic missions and consular institutions. In such conditions, the active use of the institution of the honorary consul became one of the most important forms of activity of the Ukrainian foreign policy service.

At the national level, the framework for the honorary consul institute is determined by three main normative legal acts: the Consular Statute of Ukraine, approved by the Decree of the President of Ukraine dated 04/02/1994 No. 127/94 (Consular Statute, 1994); the Procedure for the appointment, activity, and termination of the powers of non-standing (honorary) consuls of Ukraine abroad and establishment, functioning and termination of consular institutions headed by non-status (honorary) consuls of Ukraine, approved by order of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine dated 04.08.2014 No. 332 (Poriadok pryznachennia..., 2014); the Regulation on honorary consuls of foreign countries in Ukraine and consular institutions headed by such consuls, approved by order of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine dated 17.12.2021 No. 591 (Polozhennia..., 2021).

The analysis of the above acts allows us to conclude that the legal regulation of the activities of honorary consuls of foreign countries in Ukraine and honorary consuls of Ukraine abroad is inconsistent and asymmetric. It does not allow to reveal of the potential of the institute of honorary consuls, especially in matters related to their performance of consular duties functions.

According to Art. 5 of the Vienna Convention on Consular Relations consular functions consist in:

(a) protecting in the receiving State the interests of the sending State and of its nationals, both individuals and bodies corporate, within the limits permitted by international law;

(b) furthering the development of commercial, economic, cultural and scientific relations between the sending State and the receiving State and otherwise promoting friendly relations between them in accordance with the provisions of the present Convention;

(c) ascertaining by all lawful means conditions and developments in the commercial, economic, cultural and scientific life of the receiving State, reporting thereon to the Government of the sending State and giving information to persons interested;

(d) issuing passports and travel documents to nationals of the sending State, and visas or appropriate documents to persons wishing to travel to the sending State;

(e) helping and assisting nationals, both individuals and bodies corporate, of the sending State;

(f) acting as notary and civil registrar and in capacities of a similar kind, and performing certain functions of an administrative nature, provided that there is nothing contrary thereto in the laws and regulations of the receiving State;

(g) safeguarding the interests of nationals, both individuals and bodies corporate, of the sending States in cases of succession mortis causa in the territory of the receiving State, in accordance with the laws and regulations of the receiving State;

(h) safeguarding, within the limits imposed by the laws and regulations of the receiving State, the interests of minors and other persons lacking full capacity who are nationals of the sending State, particularly where any guardianship or trusteeship is required with respect to such persons;

(i) subject to the practices and procedures obtaining in the receiving State, representing or arranging appropriate representation for nationals of the sending State before the tribunals and other authorities of the receiving State, for the purpose of obtaining, in accordance with the laws and regulations of the receiving State, provisional measures for the preservation of the rights and interests of these nationals, where, because of absence or any other reason, such nationals are unable at the proper time to assume the defence of their rights and interests;

(j) transmitting judicial and extrajudicial documents or executing letters rogatory or commissions to take evidence for the courts of the sending State in accordance with international agreements in force or, in the absence of such international agreements, in any other manner compatible with the laws and regulations of the receiving State;

(k) exercising rights of supervision and inspection provided for in the laws and regulations of the sending State in respect of vessels having the nationality of the sending State, and of aircraft registered in that State, and in respect of their crews;

(l) extending assistance to vessels and aircraft mentioned in subparagraph (k) of this article, and to their crews, taking statements regarding the voyage of a vessel, examining and stamping the ship's papers, and, without prejudice to the powers of the authorities of the receiving State, conducting investigations into any incidents which occurred during the voyage, and settling disputes of any kind between the master, the officers and the seamen insofar as this may be authorized by the laws and regulations of the sending State;

(m) performing any other functions entrusted to a consular post by the sending State which are not prohibited by the laws and regulations of the receiving State or to which no objection is taken by the receiving State or which are referred to in the international agreements in force between the sending State and the receiving State ([Convention..., 1963](#)).

Paragraph 1 of Chapter IV of the Regulations on Honorary Consuls of Foreign States in Ukraine and Consular Institutions Headed by Such Consuls stipulates that an honorary consul performs consular functions defined by Article 5 of the Vienna Convention and the list of which is given in the patent ([Polozhennia..., 2021](#)).

Thus, honorary consuls of foreign countries in Ukraine can theoretically perform the entire range of consular functions provided for by the 1963 Convention.

However, the practice of foreign honorary consuls in Ukraine and Ukrainian honorary consuls abroad often suggests the opposite.

In the mass media, there are often publications about the participation of honorary consuls in various unscrupulous economic transactions or political activities, and in some places, even in connection with organized crime or money laundering ([Orphanides, 2016](#); [Lindsay, 2022](#)). The reason for this is that the overwhelming majority of honorary consuls are appointed by big business owners, for whom the status of the honorary consul is an additional indicator of authority, and consular privileges and immunities are used as an additional cover for dubious or outright illegal activities. There is no question of such persons directly performing consular functions.

The procedure for appointing, operating, and terminating the powers of non-staff (honorary) consuls of Ukraine abroad and establishing, functioning, and terminating the activities of consular institutions headed by non-staff (honorary) consuls of Ukraine is even less consistent in this regard.

According to paragraph 1 of Chapter III of this Procedure, honorary consuls:

- protect the interests of Ukraine, its citizens, and its legal entities in the host country within limits allowed by international law;
- promote the development of trade, economic, cultural, and scientific relations between Ukraine and the host state, the development of friendly relations between them in other ways under the provisions of the Vienna Convention on Consular Relations of April 24, 1963;
- find out by all legal means conditions and events in the trade, economic, cultural, and scientific life of the host country, and report on them following the Regulations on non-statutory (honorary) consuls of Ukraine, approved by Decree of the President of Ukraine No. 150 of February 17, 1997, Cabinet order Ministers of Ukraine represented by the Minister, and also provide information to interested persons;
- provide assistance and support to citizens of Ukraine and its legal entities.

At the same time, by paragraph 2 of the same section of the procedure, if necessary, honorary consuls perform other functions on behalf of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine or the head of a foreign diplomatic institution and in cooperation with a foreign diplomatic institution, which does not contradict the legislation of Ukraine, the host country and international law, based on the provisions of the Vienna Convention on Consular Relations of April 24, 1963, and following the Consular Statute of Ukraine, approved by the Decree of the President of Ukraine No. 127 of April 2, 1994, in agreement with the host state ([Poriadok przyznachennia..., 2014](#)).

The direct performance by honorary consuls of Ukraine abroad of the bulk of consular functions provided in Art. 5 of the 1963 Convention can be exercised only as an exception.

At the same time, European states are demonstrating a new approach to honorary consuls' posts, appointing specialists capable of performing consular functions to provide the necessary assistance to their citizens abroad competently and professionally. For example, a private notary has been appointed as the honorary consul of the Federal Republic of Germany in Lviv, which ensures the adequate provision of legal assistance and notarial services to German citizens ([Hrinenko, 2005: 78](#)).

It illustrates the beginning of a new stage in the development of the institute of honorary consuls. The framework of this stage is a gradual shift in the emphasis of the activities of honorary consuls, first of all, to the applicable provision of the necessary assistance (legal, notarial, consulting, etc.) to citizens of the accrediting state abroad. At the same time, the activities of honorary consuls will gradually become less egalitarian and acquire more signs of professional activity.

5. Conclusion

The historical source of the birth of consular service and consular protection in Medieval Europe was mainly the activity of merchants, shipowners, or wealthy citizens aimed to support and protect their compatriots abroad. Gradually, this activity of private individuals was combined with the official diplomatic service, and two independent institutions were established – the consul and the honorary consul.

Until the 17th and 18th centuries, the Ukrainian consular service was born in the orbit of the European system of diplomatic relations and was represented mainly by the residents of the Zaporozhian Host in Turkey. The suppression of the seeds of the Ukrainian state by the Moscow regime led to the liquidation of the Ukrainian diplomatic and consular service. A short surge in the development of Ukrainian diplomacy in 1917-1921 was also suppressed by the Soviet authorities.

After the declaration of Ukraine's independence in 1991, the revived Ukrainian diplomacy faced an acute shortage of personnel and material resources by deploying a vast network of diplomatic and consular services. One of the ways out of this situation is the active use of the honorary consul institute. However, representatives of big businesses and owners of significant capital are most often appointed to honorary consuls, who remove themselves from the direct performance of consular functions. At the same time, there is a tendency in European countries to appoint honorary consuls capable of practically performing the functions of representation and protection of citizens of the accrediting state abroad – notaries, lawyers, consultants, etc. A sharp increase in the number of Ukraine citizens who, as a result of Russian aggression, are looking for refuge abroad necessitates the need for a quick restructuring of the activity model of Ukrainian honorary consuls abroad according to the European model.

References

- Aznakaiev, 2003** – Aznakaiev, R.Ye. (2003). Instytut pozashtatnoho (pochesnoho) konsula: svitovyi dosvid i Ukraina [The institute of honorary consul: foreign experience and Ukraine]. *Naukovyi visnyk Dyplomatychnoi akademii Ukrainy*. 8: 128-142. [in Ukrainian]
- Balabanov, Trofymenko, 2012** – Balabanov, K.V., Trofymenko, M.V. (2012) Instytut pochesnykh (neshtatnykh) konsuliv [Institute of honorary (non-staff) consuls]. *Aktualni problemy mizhnarodnykh vidnosyn*. 105(1): 9-14. [Electronic resource]. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/apmv_2012_105\(1\)_4](http://nbuv.gov.ua/UJRN/apmv_2012_105(1)_4)– S. 9-10 [in Ukrainian]
- Bobylev, Zubkov, 1986** – Bobylev, G.V., Zubkov, H.G. (1986). Osnovy konsul'skoy sluzhby [The basics of consular service]. M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya. 319 p. [in Russian]
- Consular Statute, 1994** – Konsul'skyi statut Ukrainy / zatv. Ukazom Prezydenta Ukrainy : vid 02.04.1994 r., № 127/94 [Consular Statute of Ukraine, approved by the Decree of the President of Ukraine dated 04/02/1994 No. 127/94]. [Electronic resource]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=127%2F94> [in Ukrainian]
- Convention..., 1963** – Vienna Convention on Consular Relations of 1963. *United Nations, Treaty Series*. 596: 261. [Electronic resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=III-6&chapter=3&clang=en
- Dela, 2015** – Dela, M. (2015). Legal Status of the Honorary Consul. *Wroclaw Review of Law, Administration & Economics*. 4(1): 70-81. DOI: 10.1515/wrlae-2015-0007
- Final..., 1815** – Final Act of the Congress of Vienna. General Treaty (1815). [Electronic resource]. URL: http://www.hlrn.org/img/documents/final_congress_viennagen_eral_treaty1815.pdf
- Hrachevska, 2019** – Hrachevska, T.O. (2019). Osoblyvosti pravovoho statusu ta holovni napriamky diialnosti pochesnykh konsulstv inozemnykh derzhav v Ukraini [Peculiarities of the legal status and central areas of activity of honorary consulates of foreign countries in Ukraine]. *Epistemological studies in philosophy, social and political science*. 2(1): 49-58. [in Ukrainian]
- Hrinenko, 2005** – Hrinenko, O.O. (2005). Osoblyvosti pravovoho statusu konsula pry vykonanni notarialnykh funktsii [Peculiarities of the consul's legal status when performing notarial functions]: dys... kand. yuryd. nauk: 12.00.11. Kyivskyi natsionalnyi un-t im. Tarasa Shevchenka. 197 p. [in Ukrainian]
- Lindsay, 2022** – Lindsay, B. (2022). 'Red flags' for money laundering raised in B.C. misconduct findings on honorary consul for Ukraine. *CBC News Posted: Aug 10*. [Electronic resource]. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/british-columbia/honorary-consul-money-laundering-1.6546481>
- Lozinska, 2002** – Lozinska, S.V. (2002). Zarodzhennia i stanovlennia pravovoho instytutu konsulstva v Ukraini [The origin and establishment of the legal institution of the consulate in Ukraine]. *Visnyk Khmelnytskoho instytutu rehionalnoho upravlinnia ta prava*. 3: 157-161. [in Ukrainian]
- Matiash, 2016** – Matiash, I.B. (2016). Zasnuvannia instytutu pochesnykh konsuliv Ukrainy v 1918-1923 rr.: pravovi zasady ta kliuchovi osoby [Foundation of the Institution of Honorary Consuls in Ukraine, 1918-1923: Legislative Base and Key Persons]. *Actual problems of international relations*. 127: 4-13. [in Ukrainian]
- Miroshnychenko, 2010** – Miroshnychenko, O.A. (2010). Pochesnyi konsul: mizhnarodne pravo ta natsionalne zakonodavstvo Ukrainy [Honorary Consul: international law and national legislation of Ukraine]. *Forum prava*. 2: 303-307. [Electronic resource]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/FP_index [in Ukrainian]
- Orphanides, 2016** – Orphanides, S. (2016). Greek police issue arrest warrant against Cypriot lawyer in €0.5bn scam case. *CyprusMail*. May. 11. [Electronic resource]. URL: <https://cyprus-mail.com/2016/05/11/greek-police-issue-arrest-warrant-cypriot-lawyer-eo-5bn-scam-case/>
- Otman, 2009** – Otman, E. (2009) The Role of Alvise Gritti within the Ottoman Politics in the Context of the "Hungarian Question" (1526-1534). Master Thesis. The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/37054097/The_Role_of_Alvise_Gritti_within_the_Ottoman_Politics_in_the_Context_of_the_Hungarian_Question_1526_1534_
- Polozhennia..., 2021** – Polozhennia pro pochesnykh konsuliv inozemnykh derzhav v Ukraini ta konsul'ski ustanovy, shcho ocholiuiutsia takymy konsulamy, zatverdzhene nakazom Ministerstva zakordonnykh sprav Ukrainy vid 17.12.2021 № 591 [Regulation on honorary consuls of foreign countries in Ukraine and consular institutions headed by such consuls, approved by order of the

Ministry of Foreign Affairs of Ukraine dated 17.12.2021 No. 591] [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1649-21#Text> [in Ukrainian]

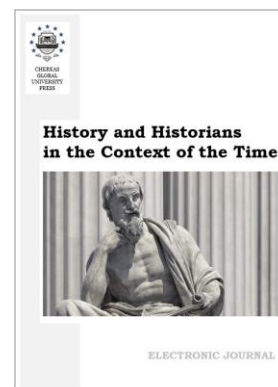
[Poriadok pryznachennia...](#), 2014 – Poriadok pryznachennia, diialnosti i prypynennia povnovazhen neshtatnykh (pochesnykh) konsuliv Ukrainy za kordonom ta zapochatkuvannia, funktsionuvannia i prypynennia diialnosti konsulskykh ustanov, shcho ocholiuiutsia neshtatnymy (pochesnymy) konsulamy Ukrainy, zatv. nakazom Ministerstva zakordonnykh sprav Ukrainy vid 04.08.2014 № 332 [Procedure for the appointment, activity, and termination of the powers of non-standing (honorary) consuls of Ukraine abroad and establishment, functioning and termination of consular institutions headed by non-status (honorary) consuls of Ukraine, approved by order of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine dated 04.08.2014 No. 332]. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1047-14#Text> [in Ukrainian]

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2022. 31(1): 46-53

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.46
<https://hhct.cherkasgu.press>

Combating Inequality and Discrimination in the Contemporary History of International Sports

Vladyslava M. Zavhorodnia ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

International law and national legal systems have developed various legal mechanisms to ensure equality and non-discrimination. However, international sport presents unique and effective means of influencing states and societies that practice discrimination on various grounds. International sport develops and evolves along with the system of international relations. The emergence of international and regional human rights protection systems has significantly impacted international sporting activities. In turn, international sports can also become a principal political and diplomatic influence instrument. Moreover, the mechanisms available to international nongovernmental sports organizations have repeatedly become a tool for combating human rights violations, especially discrimination, and not only in sports.

The article is focused on exploration the history of the formation of international community approaches to responding to discrimination through restrictions in sports cooperation. The issues of discrimination in sports, as a specific sphere of discriminatory manifestations are quite common, are also considered. The analyses of the processes and phases of using resources and tools in international sports to counter discrimination highlights several significant points. First, the international sports community has undergone a complex and lengthy transformation in the non-acceptance of discrimination. Beginning with unsuccessful attempts to boycott the 1936 Nazi Olympics, these processes led to an unequivocal response to apartheid in South Africa and ethnic cleansing in the former SFR Yugoslavia. Secondly, the types of discrimination and discriminatory grounds have constantly been expanding.

The most effective measures to counter discrimination are when states' efforts to conclude international treaties and the efforts of the UN and other international intergovernmental organizations are combined with measures of *lex sportiva*, i.e., sanctions and restrictions imposed by the IOC and other non-governmental transnational sports organizations. If decisions are half-hearted and do not seriously impact international sports competitions and their perception by the general public (such as the diplomatic boycott of the 2022 Beijing Olympics), their effectiveness in countering discrimination is minimal.

Keywords: international sports, human rights, inequality, discrimination, apartheid, international sports organizations, *lex sportiva*.

* Corresponding author

E-mail addresses: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

1. Introduction

International sport develops and evolves along with the system of international relations. The emergence of international and regional human rights protection systems in the post-World War II period has significantly impacted international sporting activities. In turn, international sports can also become a principal political and diplomatic influence instrument. Moreover, the mechanisms available to international nongovernmental sports organizations have repeatedly become a tool for combating human rights violations, especially discrimination, and not only in sports.

Consideration of discrimination and international sport has at least two levels. The first relates specifically to discrimination against athletes (in sports clubs, at sports venues, competitions) based on gender, race, nationality, or other characteristics. The second level implies using sports sanctions, boycotts of international sporting event, and other similar tools to combat gross manifestations of discrimination in society as a whole, in the legislation, law enforcement practices, and policies of individual states. These levels are closely linked because discrimination in sports is a particular case of discrimination in society. At the same time, they must be distinguished, bearing in mind the potential that international sport has as an instrument of broad political influence and respect for human rights. This article focuses on the second aspect of the problem. It aims to explore the history of the formation of international community approaches to responding to discrimination through restrictions in sports cooperation. However, the issues of discrimination in sports, as a specific sphere in which manifestations of discrimination are unfortunately quite common, will also be addressed in a general context.

2. Materials and methods

The article is based on research on the contemporary history of international sports ([Georgiadis et al., 2009](#); [Gottlieb, 1972](#); [L'Hoeste et al., 2015](#)) the interaction of sport and politics, discrimination in sport and measures to counteract the practice of human rights violations ([González, 2022](#); [Deshpande, 2016](#); [Nafziger, 1983](#); [Sikes et al., 2019](#)).

The study of international treaties, resolutions, and recommendations of international intergovernmental organizations allowed us to identify critical milestones in creating international instruments to combat inequality and discrimination. An analysis of the decisions of international nongovernmental sports organizations made it possible to trace the evolution of the attitude of the sports community toward various manifestations of discrimination. In addition, the online resources of the United States Museum's Holocaust Encyclopedia ([The Nazi Olympics, 2021](#)) and media sources were used to achieve the research objectives.

3. Discussion

International law has developed quite an impressive array of instruments to combat discrimination on various grounds. The principle of non-discrimination was reflected in the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, according to which “all human beings are born free and equal in dignity and rights”. Article 7 of the Declaration contains an explicit reference to the inadmissibility of discrimination: “All are equal before the law and are entitled without any discrimination to equal protection of the law. All are entitled to equal protection against any discrimination...” ([Universal Declaration, 1948](#)).

International Covenant on Civil and Political Rights obligates each State Party to respect and ensure to all persons within its territory and subject to its jurisdiction the rights recognized in the Covenant without distinction of any kind, such as race, color, sex, language, religion, political or other opinions, national or social origin, property, birth or another status (Article 2). Any discrimination under the law is banned by Article 26. It also guarantees to all persons equal protection against discrimination on any ground, such as race, color, sex, language, religion, political or other opinions, national or social origin, property, birth, or other status ([International Covenant, 1966](#)).

International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination stipulates that the term “racial discrimination” shall mean any distinction, exclusion, restriction or preference based on race, color, descent, or national or ethnic origin which has the purpose or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise, on an equal footing, of human rights and fundamental freedoms in the political, economic, social, cultural or any other field of public life ([Convention..., 1965](#)). The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against

Women ([Convention..., 1979](#)) contains a similar definition but is adapted to combat discrimination against women. For the purposes of this Convention, the term “discrimination against women” shall mean any distinction, exclusion or restriction made on the basis of sex which has the effect or purpose of impairing or nullifying the recognition, enjoyment or exercise by women, irrespective of their marital status, on a basis of equality of men and women, of human rights and fundamental freedoms in the political, economic, social, cultural, civil or any other field ([Convention..., 1979](#)).

Finally, a generalized definition was formulated by the Human Rights Committee, under the position of which the term “discrimination” be understood to imply any distinction, exclusion, restriction or preference which is based on any ground such as race, color, sex, language, religion, political or other opinion, national or social origin, property, birth or other status, and which has the purpose or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise by all persons, on an equal footing, of all rights and freedoms ([General Comment, 1989](#)).

The right not to be discriminated is enshrined in many acts at the regional level. In particular, Article 14 of the European Convention on Human Rights (ECHR) guarantees the prohibition of discrimination, which guarantees equal treatment in exercising other rights established in the Convention. Protocol 12 (2000) to the ECHR expands the scope of the prohibition of discrimination by guaranteeing equal treatment in exercising any right including rights under national law ([European Convention, 1950](#)). The provisions of American Convention on Human Rights ([American Convention, 1969](#)), Inter-American Convention Against Racism, Racial Discrimination and Related Forms of Intolerance ([Inter-American Convention, 2013](#)), African Charter on Human and Peoples’ Rights ([African Charter, 1982](#)) etc., also have a clear anti-discriminatory orientation.

According to modern concepts, it is considered to distinguish between direct and indirect discrimination ([Cossette-Lefebvre, 2020](#)). Direct discrimination covers cases where a person receives less favorable treatment because of age, gender, race, etc. Indirect discrimination includes situations where, to obtain equal opportunities, a person has to make additional efforts compared to others.

International law and national legal systems have developed various legal mechanisms to ensure equality and non-discrimination. However, international sport presents unique and effective means of influencing states and societies that practice discrimination on various grounds.

4. Results

Attempts by the international community to respond to massive violations of human rights, in particular discrimination on racial and national grounds, through the levers of international sports originate from the call for a boycott of the 1936 Berlin Olympics. The policy of Nazism in Germany in the 1930s of the 20th century could not avoid having an impact on sports activities. In April 1933, the “Aryans only” attitude was introduced into all German sports organizations. “Non-Aryans” (Jews and Roma), as well as men accused of being gay were excluded from sports organizations and societies. For example, the German Boxing Association expelled professional light heavyweight champion Erich Seelig in April 1933 because he was Jewish. Another Jewish athlete, Daniel Prenn, a top-ranked tennis player, was removed from Germany's Davis Cup Team. Gretel Bergmann, a world-class high jumper, was expelled from her German club in 1933 and excluded from the German Olympic team in 1936 ([The Nazi Olympics, 2021](#)). Moreover, the Nazis used sports to promote their ideology, trying to demonstrate the superiority of Aryans over all other people in physical strength and beauty. Famous Leni Riefenstahl's film “Olympia” is a clear demonstration of such propaganda.

In the United States, Great Britain, France, Sweden, Czechoslovakia, and the Netherlands, a boycott movement against the 1936 Berlin Olympics began. It was even proposed to hold an alternative “People's Olympics” (or “Popular Olympics”) scheduled to open July 19, 1936 in Barcelona. However, this event was canceled as the Civil War broke out in Spain. It is noteworthy that the idea of the People's Olympics not only opposed racism and Nazi ideology but also provided significantly more opportunities for women to compete. J. Stout points out that Catalan Feminist Sports Club was among the organizers of the People's Olympics. It was proclaimed that “the picture of the Peoples’ Olympiad would not be complete if woman did not take her due place in it” ([Stout, 2021](#)).

The boycott failed. After the Amateur Athletic Union of the United States decided to participate in the Olympic Games, teams from other countries also abandoned the idea of boycotting ([Gottlieb, 1972](#)).

However, despite the boycott's failure, it is worth noting several points that show that even its attempts had some effect. Anti-Jewish slogans and signs disappeared from the streets. Newspapers softened racist rhetoric. Helene Mayer, the only athlete of "non-Aryan origin" (her father was Jewish), represented Germany in women's individual fencing and won a silver medal. Black and Jewish athletes from the United States, Hungary, and other countries also participated in the Olympics. A number of them won Olympic medals ([The Nazi Olympics, 2021](#)). Therefore, under pressure from the world community, Hitler was trying to give the impression of softening the Nazi regime.

The first example of an effective response of the international sports community to the state policy of discrimination was the exclusion of the Republic of South Africa from the Olympic Games in Tokyo in 1964. The general trends in developing international standards for the protection of human rights after the Second World War could not but affect the situation in international sports. Therefore, the racist apartheid regime could not be ignored by the International Olympic Committee (IOC). Under the principles of apartheid, South African athletes were divided into teams by race. The National Olympic Committee of South Africa recognized only athletes with white skin, thereby excluding the majority of the country's population from the Olympic movement due to racial characteristics. Fans at sporting events in South Africa were segregated by skin color, and some sports grounds were barred from black spectators altogether. Researchers noted that white athletes had excellent conditions and enough time and resources for training, while blacks did not have such opportunities. Under almost no circumstances did athletes of different races compete together, and only white South Africans could challenge the world's best athletes in major international competitions ([Sikes, 2021](#)).

At the 1963 Baden-Baden (Germany) Conference, IOC members voted to cancel the South African team's ability to participate in the Games if the South African NOC continued to support the government's apartheid policy and did not abolish segregationist approaches and restrictions on athletes and fans. However, the NOC of South Africa did not change its position; a year later, the ban was put into effect. The Supreme Council for Sport in Africa (SCSA), created in 1966 by 32 African countries, opposed attempts to restore South Africa's participation in international sports competitions. The SCSA pursued an active and quite effective policy of boycotting sports competitions in which teams or athletes selected according to the principle of racial segregation participated. Through its consistent stance of not participating in sporting events that featured racially selected teams or athletes, as well as its solidarity with anti-apartheid activists around the world, the SCSA succeeded in getting South Africa out of the Olympic movement altogether in 1970. Athletes from South Africa were not allowed to participate in the Olympic Games until the liquidation of the apartheid regime in June 1991. Their participation was resumed starting with the 1992 Olympics in Barcelona ([Sikes et al., 2019](#)).

In 1977 the issue of apartheid in sports was placed on the agenda of the UN General Assembly. The International Declaration against Apartheid in Sports ([International Declaration, 1977](#)) was adopted. For the first time at the global level, albeit in a recommendatory form, this declaration defined the sports policy concerning states practicing racial discrimination and apartheid. Article 2 stipulates that "States shall take an appropriate action to bring about the total cessation of sporting contacts with any country practicing apartheid and shall refrain from official sponsorship, assistance or encouragement of such contacts" ([International Declaration, 1977](#)). The Declaration also encourages the exclusion or expulsion of any country practicing apartheid from international and regional sport bodies (Article 3); active supporting for the total boycott of all teams and sportsmen from the racist apartheid sport bodies (Article 4), etc.

The first case in the history of enshrining sports sanctions in an international treaty as a tool for combating human rights violations is associated with the apartheid regime. In December 1985, the United Nations Convention against Apartheid in Sport was adopted and entered into force on April 3, 1988 ([Convention..., 1985](#)).

In the Preamble of the Convention, a close liaison can be traced between respect for human dignity, freedom, equality, and non-discrimination, the possession of every person with all rights without distinction based on race, skin color, ethnic origin, sex, language, religious beliefs, etc., with the principles on which international sports must be built. The document relies on the

International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination ([Convention..., 1965](#)), and several resolutions of the UN General Assembly. It condemns racial segregation and obliges member states (currently 62) to eradicate such practices in sports (Article 2). According to Article 3 “States Parties shall not permit sports contact with a country practicing apartheid and shall take appropriate action to ensure that their sports bodies, teams, and individual sportsmen do not have such contact”. Article 5 requires a refusal to provide financial or other assistance to enable their sports bodies, teams and individual sportsmen to participate in sports activities in a country practicing apartheid or with teams or individual sportsmen selected on the basis of apartheid ([Convention..., 1985](#)).

The Convention also enshrines several other measures to ensure that a country that practices apartheid is excluded from international and regional sports organizations and deprived of any opportunity to participate in international sports. Given that the Convention aimed at combating the practice of apartheid in South Africa (as reflected, in particular, in Article 10), its norms are not currently applied. At the same time, this international treaty can be considered a successful model to follow and build instruments for applying sanctions in other discrimination cases on various grounds in violation of international law.

As an indirect reaction to an extreme form of discrimination in the form of ethnic cleansing, deportations, and the crime of genocide is also the sports sanctions imposed on the Federal Republic of Yugoslavia in 1992. The main goal of these sanctions was to end the military conflict and achieve peace on the territory of the former Socialist Federal Republic of Yugoslavia (FR Yugoslavia).

On May 15, 1992, the Security Council adopted Resolution S/RES/752(1992), in which it put forward several specific demands to the participants in the military conflict in Bosnia and Herzegovina. In particular, the Resolution called for the cessation of hostilities, the non-intervention of the Yugoslav People's Army and Armed Forces of Croatia, disarmament, and dissolution of paramilitary formations, cessation of ethnic cleansing and deportations of the population, provision of comprehensive assistance in humanitarian aid to victims ([Resolution S/RES/752, 1992](#)). The FR Yugoslavia did not implement the Resolution and continued interfering in Bosnia and Herzegovina. Responding to these circumstances, the UN Security Council adopted Resolution S/RES/757(1992) dated May 30, which provided for many economic sanctions against this state, including sanctions in international sports ([Resolution S/RES/75, 1992](#)). Paragraph 8 of the Resolution assumed that all states should take the necessary steps to prevent participation in sports events on their territory by persons or teams representing the FR Yugoslavia (Serbia and Montenegro).

This provision of the Resolution had several consequences. Thus, the FR Yugoslavia national football team qualified for the finals of the 1992 European Championship but was disqualified due to sanctions. Instead, Denmark went to the finals, which took second place in the qualifying group and eventually won the tournament. The Resolution was adopted just before the start of the 1992 Olympic Games. The IOC reached a compromise with the UN. The National Olympic Committee of Yugoslavia was not invited to the games. However, athletes from the country were allowed to compete as independent Olympic participants. Similarly, as independent athletes at the 1992 Paralympic Games, Yugoslav Paralympians performed ([Georgiadis et al., 2009: 65-66](#)).

It should be noted that for a long time, the global sports community has had virtually no reaction to discrimination based on sex or gender. In 1921 male-run English Football Association prohibited its affiliated clubs from letting women use their fields. The association's ruling stated: “The game of football is quite unsuitable for females.” ([Kuper, 2022](#)). In 1941, the president of Brazil banned women from playing certain sports, including football. The rule stated that women will not be allowed to practice any kinds of sports that are incompatible with the female nature. It was in force until 1979 ([Werman&Margolis, 2013](#)). In 1946 women's boxing was banned in Mexico by presidential decree. Only in 1999, women's professional boxing became legal in Mexico City after Laura Serrano, amateur boxer and law student, brought a lawsuit against the boxing regulations that banned women from the practice ([L'Hoeste et al., 2015: 181](#)). Such bans existed in many other countries, including Canada, France, West Germany, Spain. For the most part, they were abolished only in the 1970s and 1980s. No sanctions or boycotts were imposed on states for such practices. The restrictions imposed on women were considered acceptable in sports and other areas of social life.

However, the transition to a post-industrial society, which entailed changes in family patterns and women's role in society, caused changes in the public consciousness and intensified women's struggle for their rights. As we noted above, one of the results of these processes was the adoption of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. The international recognition of the equality of women and men has also resulted in a change in the policy of international sports organizations to states that promote discrimination based on sex or gender. In October 1999, the IOC suspended the activities of the National Olympic Committee of Afghanistan, and in 2000 it banned this country's national team's participation in the Olympic Games due to the violation of human rights in sports by the Taliban regime. Among other things, the Taliban altogether banned women from participating not only in the Olympics but also in any other sports competitions. Male athletes, on the other hand, were obliged to grow beards and, under no circumstances, perform in shorts (IOC, 2000).

The most recent example of the international community's response to a state policy of discrimination against national and religious minorities was the diplomatic boycott of the 2022 Olympics in Beijing. In 2021 having regard to its previous resolutions on the human rights situation in China, in particular those on forced labour and the situation of the Uyghurs in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, notably the situation of religious and ethnic minorities, on mass arbitrary detention of Uyghurs and Kazakhs in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region etc., the European Parliament recommended that the leadership of the EU and the Member States decline invitations to the Beijing Winter Olympics in the event that the human rights situation in China and Hong Kong does not improve and no high-level EU-China Human Rights Summit/Dialogue with a tangible outcome takes place prior to the event (European Parliament, 2021). Several EU countries, the USA, Canada, the UK, Australia, and other states, have declared a diplomatic boycott of the 2022 Games and did not send their diplomatic delegations to Beijing. At the same time, the actual sports boycott was not applied, and the Olympic national teams took part in the competitions.

5. Conclusion

The overview of the processes and phases of using resources and tools in international sports to counter discrimination highlights several significant points. First, the international sports community has undergone a complex and lengthy transformation in the non-acceptance of discrimination. Beginning with unsuccessful attempts to boycott the 1936 Nazi Olympics, these processes led to an unequivocal response to apartheid in South Africa and ethnic cleansing in the former SFR Yugoslavia.

The most effective measures to counter discrimination are when states' efforts to conclude international treaties and the efforts of the UN and other international intergovernmental organizations are combined with measures of *lex sportiva*, i.e., sanctions and restrictions imposed by the IOC and other non-governmental transnational sports organizations. If decisions are half-hearted and do not seriously impact international sports competitions and their perception by the general public (such as the diplomatic boycott of the 2022 Beijing Olympics), their effectiveness in countering discrimination is minimal.

6. Acknowledgements

The research reported in this paper was conducted within the framework of the Project No. БФ/1-2022 in accordance with the Agreement No. БФ/24-2021 "Economic and legal foundations of medical reform, reforming the sports management system".

References

- [African Charter, 1982](#) – African Charter on Human and Peoples' Rights. Adopted 27 June 1981, OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5, 21 I.L.M. 58 (1982).
- [American Convention, 1969](#) – American Convention on Human Rights. Adopted at the Inter-American Specialized Conference on Human Rights, San José, Costa Rica, 22 November 1969. [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf>
- [Convention..., 1965](#) – International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Adopted by UN General Assembly resolution 2106 (XX) on 21 December 1965.

[Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-elimination-all-forms-racial>

Convention..., 1979 – Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 34/180 of 18 December 1979, entry into force 3 September 1981. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/cedaw.pdf>

Convention..., 1985 – International Convention against apartheid in sports. Adopted by the General Assembly of the United Nations on 10 December 1985. [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201500/volume-1500-i-25822-english.pdf>

Cossette-Lefebvre, 2020 – Cossette-Lefebvre, H. (2020). Direct and Indirect Discrimination. *Public Affairs Quarterly*. 34(4): 340-367. DOI: 10.2307/26965777

Deshpande, 2016 – Deshpande, V.M. (2016) Gender discrimination in sports. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 3(3): 545-547.

European Convention, 1950 – European Convention on Human Rights. Rome, 4.XI.1950. [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf

European Parliament, 2021 – European Parliament resolution of 16 September 2021 on a new EU-China strategy (2021/2037(INI)). [Electronic resource]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0382_EN.html

General Comment, 1989 – CCPR General Comment No. 18: Non-discrimination. Adopted at the Thirty-seventh Session of the Human Rights Committee, on 10 November 1989. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/docid/453883fa8.html>

Georgiadis et al., 2009 – Olympic Truce: Sport as a Platform for Peace. Editors: K. Georgiadis, A. Syrigos A. The international Olympic Truce Center, 2009. 112 p.

González, 2022 – González, C.P. (2022). The effective application of international human rights law standards to the sporting domain: Should UN monitoring bodies take central stage? *International Sports Law*. 22: 152-164. DOI: 10.1007/s40318-021-00209-8

Gottlieb, 1972 – Gottlieb, M. (1972). The American Controversy Over the Olympic Games. *American Jewish Historical Quarterly*. 61(3): 181-213.

Inter-American Convention, 2013 – Inter-American Convention against racism, racial discrimination and related forms of intolerance. Antigua, 5 June 2013. [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002804ec1cd&clang=en>

International Covenant, 1966 – International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>

International Declaration, 1977 – International Declaration against Apartheid in Sports. UN. General Assembly (32nd sess. 1977). [Electronic resource]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/624279>

IOC, 2000 – IOC Bars Afghan Athletes from Olympics. ABC News. August 21. [Electronic resource]. URL: <https://abcnews.go.com/Sports/story?id=100745&page=1>

Kuper, 2022 – Kuper, S. (2022). Women's football: the case for reparations. *Financial Times*. July 29. [Electronic resource]. URL: <https://www.ft.com/content/782659ef-81dd-4238-9b20-968c9c318b37>

L'Hoeste et al., 2015 – Fernández L'Hoeste, H., Irwin, R., Poblete, J. (2015). Sports and Nationalism in Latin America. Springer. 307 p.

Nafziger, 1983 – Nafziger James, A.R. (1983) Nonaggressive Sanctions in the International Sports Arena. *Case Western Reserve Journal of International Law*. 15(2): 329-342. [Electronic resource]. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol15/iss2/7>

Resolution S/RES/75, 1992 – Resolution S/RES/757(1992) of 30 May 1992. [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/011/16/PDF/NRO01116.pdf?OpenElement>

Resolution S/RES/752, 1992 – Resolution S/RES/752(1992) of 15 May 1992. [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/011/11/PDF/NRO01111.pdf?OpenElement>

[Sikes et al., 2019](#) – Sikes, M., Rider, T., Llewellyn, M. (2019). New Perspectives on Sport and Apartheid: Local and Global. *The International Journal of the History of Sport*. 6(1): 1-6. DOI: 10.1080/09523367.2019.1653559

[Sikes, 2021](#) – Sikes, M. (2021). It's impossible to separate politics and the Olympics. How Africa transformed Olympics activism. *The Washington Post*. July 28. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/07/28/its-impossible-separate-politics-olympics/>

[Stout, 2021](#) – Stout, J. (2021). The brutal story of the 1936 Popular Olympics: a boycott of fascism and Hitler. *National Geographic*. July 19. [Electronic resource]. URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/brutal-story-1936-popular-olympics-boycott-fascism-hitler>

[The Nazi Olympics, 2021](#) – The Nazi Olympics Berlin 1936. United States Holocaust Memorial Museum, Washington, DC. Jul 28, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/the-nazi-olympics-berlin-1936>

[Universal Declaration, 1948](#) – Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

[Werman, Margolis, 2013](#) – Werman, M., Margolis, J. (2013). The Struggle for Female Soccer Equality in Brazil. *The World*. May, 27. [Electronic resource]. URL: <https://theworld.org/stories/2013-05-27/struggle-female-soccer-equality-brazil>